

В помощь лектору

С. Р. БЕЛОУСОВ

**СУДЬБА
КИТАЙСКОГО
МАРКСИСТА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва 1988

ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ»

В ПОМОЩЬ ЛЕКТОРУ

С. Р. Белоусов,
кандидат исторических наук

СУДЬБА
КИТАЙСКОГО
МАРКСИСТА

(К 100-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛИ ДАЧЖАО)

Издательство «Знание» Москва 1988

ББК 63.3(5 Кит)

Б 43

БЕЛОУСОВ Сергей Романович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР. Специалист по проблемам идеологии и культуры Китая.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Поиски себя	8
Первые шаги	9
В Японии	14
Накануне перелома	19
На переломе	26
«Алая горячая кровь русских...»	26
«Движение 4 мая»	36
Организатор и вожак молодежи	42
Путь найден	48
Борьба за единый фронт	49
Пропагандист и интерпретатор марксизма	53
Вместе с Сунь Ятсеном	55
В Советском Союзе	57
Вне закона	58
«Его зарыли в шар земной...»	61
Заключение	64

Белоусов С. Р.

Б 43 Судьба китайского марксиста (К 100-летию со дня рождения Ли Дачжао). — М.: Знание, 1988. — 64 с. — (В помощь лектору).

20 к.

Работа посвящена жизненному и творческому пути одного из наиболее крупных и типичных представителей первого поколения китайских марксистов, прошедшего непростой и противоречивый путь от либерализма, наивного радикализма и революционного демократизма к марксизму-ленинизму. Идеиная эволюция и революционная деятельность Ли Дачжао рассматриваются в общем контексте духовных поисков китайской интеллигенции в первую четверть нынешнего столетия

Б 0503010000—127
073(02)—88

ББК 63.3 (5 Кит)

Возможно, статьи Ли Дачжао не всегда соответствуют теории, как мы ее понимаем сегодня, но они будут жить в веках, ибо являются... памятником истории революции.

Лу СИНЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ

XX век стал для Китая веком небывалых революционных преобразований во всех областях жизни общества, что сопровождалось болезненным и неоднозначным, нередко непоследовательным, но по сути неизбежным процессом отказа от всего старого и отжившего, веком, когда ведущие умы были заняты поисками политической стратегии и тактики национального возрождения. И если Наполеон в свое время имел все основания заметить, что «Китай спит», то теперь страна и ее мысль пробудились.

Общественно-политическая мысль Китая в первую четверть XX в. необычайно оживилась после долгих лет идеологической спячки и характеризовалась радикальной переоценкой традиционных стереотипов, а подчас и развенчанием традиции. Старокитайские социально-экономические и политические структуры, господствовавшие в обществе на протяжении двух тысячелетий, продемонстрировали свою историческую несостоятельность по мере военного, экономического и культурного проникновения Запада в Китай во второй половине XIX в. По образному выражению К. Маркса, их разложение «должно было наступить так же неизбежно, как неизбежно разложение тщательно сохраненной в герметически закрытом гробу мумии, лишь только к ней получит доступ свежий воздух»¹.

На протяжении веков китайцев больше всего волновало не то, чем похожи они на других, а то, чем непохожи. В новых условиях волею исторических обстоятельств подход стал кардинально меняться. Полифония духовной жизни, «парад идей» приходят на смену идеологической апатии и социальной инертности общества. Убеждение в несомненных преимуществах некоторых

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 9. — С. 100.

сторон материальной и духовной культуры Запада, осознание частью интеллектуалов единства судеб исторического развития Китая и остального мира и понимание необходимости кардинальных реформ — все это заставляет образованных китайцев обратиться к заинтересованному и подробному (хотя порой и беспорядочному и даже какому-то лихорадочному) изучению европейских социально-политических теорий, которые, как им казалось, можно было в той или иной степени использовать на национальной почве в качестве инструментов возрождения былой славы и величия Китая, превращения его в независимое и сильное государство.

Однако этот процесс имел и оборотную сторону. Культурная, экономическая и политическая экспансия Запада с поразительной быстротой раздвигала рамки привычных, освященных веками и, казалось бы, навсегда законсервированных представлений. Усиливавшийся натиск буквально на весь комплекс отечественной культуры и сама мысль о возможности, а скорее всего, неизбежности отсечения отдельных частей от этого незыблемого, как представлялось еще совсем недавно, монолита воспринималась большинством китайцев очень болезненно. Ведь они веками жили «за закрытыми дверями», что имело даже не только метафорическое, но и вполне реальное воплощение — Великую китайскую стену, и привыкли считать свою цивилизацию и образ жизни чем-то неповторимым и, главное, непревзойденным.

В результате радикально настроенные слои общества оказались перед сложной дилеммой — как решить судьбу ставших для многих священными традиций: должны ли они быть сохранены или отброшены? Восточная этика или западная техника, интуитивизм или рационализм, конфуцианство или социализм, автократия или демократия — чему отдать предпочтение, а может быть, возможен синтез старого и нового, традиционализма и модернизма? Иными словами, в какой степени должны быть сохранены черты старой «веры», догматы отечественного духовного наследия и в какой мере возможны заимствование, имитация и адаптация «иноземных» ценностей, — от оптимального решения этого «вопроса вопросов», прямо связанного с выбором пути общественного развития, самым непосредственным образом зависело направление политических реформ.

Итак, первые полтора десятилетия XX в. стали для Китая «периодом вызова», когда новое бросает вызов старому, современное — традиционному, прогрессивное — консервативному. Причем здесь уместно говорить не только о распространении и растущем влиянии западной мысли вообще, но и о таком важном и стоящем несколько особняком компоненте этого процесса, как проникновение в страну первых сведений о социалистических учениях, в том числе о марксизме.

В. И. Ленин в период антимонархической Синьхайской революции 1911 г. писал о причинах возникновения живого интереса китайцев к социализму в начале нынешнего столетия. Связывая эти причины с революционным подъемом масс в период национального кризиса, он отмечал, что «в Европе и Америке, от которой передовые китайцы... заимствовали свои освободительные идеи, на очереди стоит уже освобождение от буржуазии, т. е. социализм. Отсюда неизбежно возникает сочувствие китайских демократов социализму, их *субъективный социализм*»².

Это получает значительное и, можно сказать, закономерное развитие в дальнейшем. Синьхайская революция 1911 г., покончив с правлением разложившейся маньчжурской династии Цин, взломала, по выражению академика В. М. Алексеева, «все отстоявшиеся тысячелетиями китайские толщи», и если в период 1900—1916 г. Запад, образно говоря, «бросил перчатку» Востоку, то уже в конце второго десятилетия XX в. происходит дальнейшее смещение акцентов, связанное с углублением процесса революционной трансформации китайского общества. (Большое, если не решающее, значение имела, конечно, победа Октябрьской революции 1917 г. в России.) Теперь уже интеллектуальную элиту Китая интересуют не только и даже не столько имена и учения Ж. Ж. Руссо, А. Смита, Дж. С. Милля, Ш. Монтескье, Дж. Беркли, Г. Спенсера, Т. Гексли, Т. Гоббса и Дж. Локка, сколько биографии и теории К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, Ф. Лассалья, К. Каутского, П. А. Кропоткина и Б. Рассела. На первый план выдвигается борьба между революционным социализмом и различными национальными интерпретациями немарксистских социалистических течений, в

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 21. — С. 403.

том числе идей утопического и фабианского, гильдейского и «государственного» социализма, анархизма, синдикализма, японских идей о «новой деревне».

Иными словами, китайцы оказываются перед лицом принципиально важного исторического явления, суть которого сводится к тому, что социалистические идеи, прямо перекликающиеся с такими понятиями, как «национальное освобождение», «свобода», «справедливость» и «социальный прогресс», завоевывают в китайском обществе такую же, если не большую, популярность, чем на родине этих идей. Китайцы поняли, что идеи эти просто нельзя игнорировать, если ставишь перед собой масштабные задачи прогрессивного развития и революционного преобразования общества.

Проблема роста популярности и практического осуществления социалистических идей в общественных структурах с разным уровнем духовного и политического опыта — отнюдь не чисто академическая, это проблема не только вчерашнего, но сегодняшнего и завтрашнего дня. Марксистские взгляды распространяются не сами по себе, но в результате целенаправленной деятельности революционеров-пропагандистов, завоевывают массы не случайно и сразу, но в ходе активной борьбы за интересы низших слоев общества, угнетаемых и бесправных. Каждое поколение, решая насущные вопросы бытия, опирается на опыт, накопленный предыдущими поколениями, поэтому изучение революционной традиции в Китае, как и в любой другой стране, изучение судеб носителей этой традиции остается актуальным и сегодня.

Главной и наиболее динамичной силой в процессе освоения, пропаганды и практического применения социалистических, в том числе марксистских, идей в Китае становится то поколение радикальной молодежи, которое активно включилось в революционное движение во втором десятилетии XX в.

Наиболее полно, рельефно и последовательно процесс перерастания наивных революционно-демократических настроений в марксистско-ленинские убеждения нашел отражение в жизни, деятельности и творчестве **Ли Дачжао** — самой, пожалуй, крупной и заметной фигуры в плеяде первых китайских сторонников учения К. Маркса и В. И. Ленина. 13 из 38 лет своей короткой

и трудной, но яркой и самоотверженной жизни он отдал борьбу за социалистическое будущее Китая.

«Люди больше походят на свое время, чем на своих отцов» — гласит арабская поговорка. Процесс идейного и политического возмужания Ли Дачжао выпукло отразил духовные поиски китайских революционеров первой четверти нашего столетия, искавших и в конце концов нашедших такую идеологию, которая призвана была вывести страну из кризиса, приобрести ее к мировому революционному процессу, сделать реальной перспективу ее прогрессивного развития. Жизненный путь Ли Дачжао во многих отношениях типичен для китайского революционного демократа тех лет, хотя, разумеется, и совершенно необычен, как и всякая человеческая судьба. Иными словами, процесс духовных поисков Ли Дачжао, весьма сложный и противоречивый, интересен не только сам по себе, но и как явление, глубоко характерное для китайского общества первой четверти XX в. и, более того, встречающее и сегодня живые отклики во многих странах и регионах, отставших в своем экономическом развитии от наиболее передовых стран мира. Знакомство с формированием его взглядов важно для понимания кардинальных сдвигов, которые происходили в общественном сознании Китая тех лет, позволяет на конкретном примере проследить ход идейного созревания китайского пролетариата и его авангарда, вскрыть общие моменты распространения и освоения марксова социализма в Китае и даже некоторые общие тенденции и закономерности его восприятия во многих афро-азиатских и латиноамериканских странах. Идейная эволюция Ли Дачжао от революционного демократизма к марксизму-ленинизму говорит нам, что обращение к идеям К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина нельзя расценивать как всего лишь умозрительное увлечение образованных китайцев, молодых патриотов-радикалов, но и как историческую потребность пробудившегося китайского народа.

В Китае, как и в других странах, в том числе и России, теоретическое учение коммунизма, по словам В. И. Ленина, «возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции»³.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 6. — С. 31.

Как китайские, так и советские авторы выделяют три главных этапа в идейно-политическом формировании Ли Дачжао: революционно-демократический (1907—1917), характеризующийся скорее эмоциональной, чем сознательно-последовательной приверженностью идеям прогресса и справедливости; переходный (1917—1921), в ходе которого сочувствие прогрессивным, революционно-демократическим взглядам перерастало под влиянием теории научного социализма и революционных событий в России в искреннюю веру в правоту этой теории; и марксистско-ленинский (1921—1927), когда Ли Дачжао уже не видел альтернативы социалистической революции в Китае.

В домашнем кабинете Ли Дачжао висело изречение — начертанное его рукой, каллиграфической прописью иероглифы: «Несгибаемо нести нелегкую ношу борьбы за правое дело», «Быть подлинным мастером пера». Это было девизом его жизни, ставшей в какой-то степени символом самоотверженности в борьбе за национальное возрождение и интересы своего народа.

ПОИСКИ СЕБЯ

Люди, вступившие в жизнь в один и тот же исторический период и воспитывавшиеся в одной социально-культурной среде, неизбежно подвергаются, прежде всего в период своего формирования, аналогичным влияниям. Поэтому Ли Дачжао интересует нас не только как пропагандист и — впоследствии — сторонник марксизма в Китае. Его судьба интересна еще и потому, что он был в известной степени типичной фигурой «китайского ренессанса» XX в., заметным представителем узкого и элитарного, но весьма и весьма влиятельного слоя «творческих умов», «пишущей интеллигенции», который во все времена и во всех странах, имея доступ к перу и бумаге, обладал широкими возможностями формировать общественное мнение, направлять эволюцию мысли и тем самым косвенно определять не только текущую политику, но и стратегию социального развития. В индивидуальной деятельности Ли Дачжао в известной мере сфокусировался дух времени, общественное сознание породившей и сформировавшей его эпохи.

Поэтому жизненный и творческий путь Ли Дачжао надо рассматривать не в узкобиографическом плане, а как сложный и противоречивый, но тем не менее типичный путь первого поколения китайских марксистов, открывших своему народу перспективу социальной революции, как вполне закономерное общественное явление, одну из главных тенденций в развитии духовной жизни Китая в XX в.

Биография Ли Дачжао до сих пор имеет немало «белых пятен», ибо сведения о тех или иных событиях его жизни почерпнуты в большинстве своем из воспоминаний современников, которые, при всей своей многочисленности, грешат вполне объяснимой бессистемностью, субъективностью и противоречивостью. Поэтому наиболее достоверным источником для воссоздания жизненного пути Ли Дачжао служит его творческое наследие, позволяющее проследить этапы его идейной эволюции.

Начальный период формирования мировоззренческих позиций Ли Дачжао охватывает около десяти лет (1907—1917), когда молодой радикал, избавляясь от груза старокитайских (конфуцианских и даосских) стереотипов и пройдя через увлечение абстрактно-гуманистическими, общедемократическими, либеральными идеями, превращается в сторонника революционного демократизма.

Первые шаги

Ли Дачжао (первое имя — Шоучан) родился 6 октября 1889 г., в деревне Дахэйто уезда Лэтин провинции Хэбэй. Детские годы были безрадостны: он осиротел, когда ему был всего год от роду, и воспитывался в семье деда-торговца, на средства которого получил начальное традиционное образование, штудировав конфуцианский канон в сельской школе. Когда ему исполняется 16 лет, он распродает остатки родительского имущества и поступает в среднюю школу в городке Юнпин, недалеко от своих родных мест. Школу закончить не удалось: дед умер, а собственных средств не хватало на жизнь и учебу.

Однако Ли Дачжао не оставляет мысли продолжить образование. В 1907 г. он отправляется в крупный портовый город и политический центр Тяньцзинь, успешно

сдает экзамен и поступает в Бэйянское политико-юридическое училище, где изучает азы политэкономии, английский и японский языки. Годы учебы в Тяньцзине, полные материальных лишений, забот о чашке риса стали тем не менее, как это ни парадоксально, но как это нередко бывает, знаменательным этапом в духовном становлении Ли Дачжао. Как отмечал В. И. Ленин, именно в этот период Китай переживал процесс интенсивного распространения «нового духа», «европейских веяний», проникавших главным образом из Японии. Вихрь этого процесса увлек и Ли Дачжао, который в годы общественного брожения накануне Синьхайской революции жадно поглощал и накапливал разнообразные, хотя и разрозненные, а нередко и искаженные, сведения об истории западной общественно-политической мысли и институтах. Закономерным итогом первого беспорядочного знакомства с «новой наукой» стало довольно серьезное увлечение республиканскими идеями, доктринами парламентской демократии и национальной государственности. Это было вполне в духе времени. В те годы большинство образованных китайцев так или иначе испытывало влияние этих идей, пропаганде и интерпретированию которых посвятили себя «духовные отцы» новой китайской интеллигенции — лидеры реформаторского движения Кан Ювэй и Лян Цичао, ученый и переводчик Янь Фу, революционные демократы Сунь Ятсен, Чжан Бинлинь, Ху Ханьминь и другие политические деятели и публицисты. Благодаря усилиям Янь Фу, жившего и работавшего в Тяньцзине, особую популярность завоевали теория эволюции и ее общественно-политическая ипостась — социал-дарвинизм. Буквально из рук в руки передавалась книга Т. Гексли «Эволюция» в авторизованном переводе Янь Фу, в интеллектуальных беседах постоянно фигурировали такие понятия, как «естественный отбор», «выживание наиболее приспособленных», «борьба за существование» и другие термины и понятия из лексикона Т. Гексли, Г. Спенсера, А. Смолла, Л. Гумпловича. Не избежал воздействия идей социал-дарвинизма и Ли Дачжао, который на том этапе своей духовной зрелости находил в них, как ему казалось, верные ответы на волновавшие его вопросы — о путях и методах борьбы Китая «за место под солнцем».

В Тяньцзине Ли Дачжао и застаёт Синьхайская ре-

волюция 1911 г. Страна бурлит, восстанием охвачены южные и центральные районы. Власть маньчжурской династии Цин на юге Китая свергнута. В ноябре вдовствующая императрица Цыси передает власть в пекинском правительстве генералу Юань Шикаю, а в декабре представители восставших провинций избирают Сунь Ятсена, вернувшегося в Шанхай из эмиграции, временным президентом Китайской республики. 12 февраля 1912 г. опубликован официальный акт об отречении последнего императора — малолетнего Пу И и отказе цинской династии от прав на престол. Через четыре дня, после ухода Сунь Ятсена с президентского поста, временным президентом избран Юань Шикай, а еще через месяц принята временная конституция Китайской республики, ознаменовавшая начало буржуазно-парламентской «оттепели» 1912—1913 гг.

Революционные катаклизмы не могли не вовлечь Ли Дачжао в политическую жизнь страны. Сочувствие абстрактно понятым идеям прогресса и справедливости, стихийная тяга к социализму, вернее, к социалистической демократии западного толка, выразились на том этапе в сотрудничестве с созданной в ноябре 1911 г. и возглавлявшейся политическим авантюристом Цзян Канху Социалистической партией Китая, которая, несмотря на громкое название, была, по характеристике В. И. Ленина, не более как группировкой мелкобуржуазной демократии. Ли Дачжао вступает в эту аморфную в идейном отношении и разношерстную по социальному составу организацию в конце 1912 г., а в феврале следующего года возглавляет ее тяньцзиньский филиал. Сближение с либерально-просветительской, псевдосоциалистической группой носило в известной степени закономерный характер: просто когда молодой радикал почувствовал тягу к практической политической деятельности, рядом с ним оказались мелкобуржуазные социалисты (собственно говоря, и выбора-то особого не было). Ли Дачжао, полный республиканских иллюзий, восторженной веры в политических лидеров «новой волны» и привлеченный туманным, но звучащим весьма заманчиво лозунгом «уравнения бедности и богатства», не мог еще, конечно, отделить истинное от ложного в социалистическом движении, пытался в меру своего тогдашнего понимания реализовать свой демократический энтузиазм. Следующим шагом на этом

пути становится участие Ли Дачжао в редактировании журнала «Яньчжи», выступавшего в поддержку Юань Шикая, который еще продолжал маскироваться под либерала и демократа.

Во время буржуазно-парламентской «оттепели», наступившей после образования республики в феврале 1912 г., политические партии, по образному выражению китайских историков, появляются «как молодые побеги бамбука весной». Одной из наиболее заметных организаций становится Прогрессивная партия, созданная 29 мая 1913 г. на объединительном съезде либерально-реформаторских группировок, известных как Республиканская (Гунхэдан), Демократическая (Миньчжудан) и Объединенная (Тунъидан) партии, по инициативе тогдашних китайских конституционалистов, сторонников парламентских форм Лян Цичао и Тан Хуалуна, а также Линь Чанминя, Сунь Хунъи и Чжан Цзюньмая. Незадолго до этого Ли Дачжао обратил на себя внимание известного в Тяньцзине либерала Сунь Хунъи, поддерживавшего тесные личные и деловые контакты с Тан Хуалуном. Благодаря протекции Сунь Хунъи, молодой радикал был представлен лидеру Прогрессивной партии, который назначает его своим секретарем и, более того, становится его покровителем.

Абстрагируемся от привходящих обстоятельств (в данном случае — знакомства с Сунь Хунъи) и зададимся вопросом: что привело Ли Дачжао в ряды буржуазно-либеральной организации? Причины, видимо, были те же, что обусловили и его сотрудничество с группой Цзян Канху. Ответ надо искать в политическом инфантилизме, идейной незрелости и эклектичности воззрений Ли Дачжао, в которых доминировали либеральные и абстрактно понятые демократические мотивы.

Тяньцзиньский период ознаменовался еще одной важной вехой на жизненном пути Ли Дачжао — началом творческой, публицистической деятельности. В апреле 1913 г. в журнале «Яньчжи» появляется первая из дошедших до нас статей Ли Дачжао — «Великая скорбь», которая весьма важна для понимания эволюции его взглядов. Снабженная подзаголовком «Скорбь о страданиях моего народа», статья в целом выдержана в мрачных тонах. Дело в том, что Китаем и китайцами кризисная ситуация переживалась особенно болезнен-

но. Ведь это был кризис в еще недавно высоко сбалансированном обществе, с веками складывавшейся и шлифованной самобытной культурой. Тем не менее статья Ли Дачжао несет в себе и определенный оптимистический заряд, хотя бы потому, что автор предстает в ней как трибун-республиканец, враг деспотизма, искренне обеспокоенный судьбой своего народа и верящий, несмотря ни на что, в его лучшее будущее. Забегая вперед, надо сказать, что оптимизм Ли Дачжао, который был присущ ему на протяжении всей жизни, с одной стороны, был компенсирующей реакцией на тяжелое детство и обостренные национальные чувства, а с другой, вытекал из ощущения социально-исторических сдвигов, т. е. имел и субъективную, и объективную стороны. В статье Ли Дачжао вскрывает истинную подоплеку политических порядков в послереволюционном Китае, с горечью констатирует, что плоды революции пожирает военщина, ханжи и узурпаторы, стремящиеся, как и прежде, подчинить народ «одной воле»: «...тираны, надев на себя маски героев, присвоили себе их славу под сенью блестящего герба республики. Республика есть, но где же счастье народа?» С присущей ему эмоциональностью Ли Дачжао разоблачает антинародную сущность милитаризма, власти военных губернаторов, вообще политики правящих кругов, противопоставляет регенерирующему монархическому деспотизму подлинно республиканские идеи, политический строй, основанный на правах человека и естественных правах народа.

Таким образом, революционное чутье уже тогда подсказывало Ли Дачжао, что институты буржуазной демократии не могут служить панацеей от всех социальных бед. Это было тем более актуально для китайского общества, в котором начисто отсутствовали демократические традиции. К этому выводу, правда, скорее эмоционально, нежели осознанно, и приходит Ли Дачжао. Отрицая псевдореспублику, Ли Дачжао выразил все глубокое разочарование многих китайцев в принявшем деформированные формы республиканском строе и карикатуре на парламентскую жизнь. Обманувшись в своих надеждах и потеряв доверие к буржуазным революционерам, массы лишили их своей поддержки, и революция захлебнулась. Первая попытка закончилась неудачей, но значение опыта, приобретенного

участниками политических событий, трудно переоценить. Он помог китайским радикалам, в том числе и Ли Дачжао, в дальнейшем. Но до этого в его судьбе и идейном становлении должны были произойти кардинальные сдвиги.

В Японии

В конце лета — начале осени 1913 г. Ли Дачжао, как и многие другие молодые демократы его поколения, переживает тяжелый духовный кризис, связанный с крушением либеральных иллюзий и республиканских идеалов. О серьезности душевного разлада говорит хотя бы тот факт, что он даже был близок к мысли оставить светскую жизнь и искать утешения в буддизме, постричься в монахи.

Преодолеть пессимистические настроения и апатию помогает не только здоровый нравственный стержень, но и случай. Симпатизировавший Ли Дачжао Тан Хуалун, бывший состоятельным человеком, предлагает своему протеже продолжить образование уже на более высоком уровне, за границей. Ли Дачжао с энтузиазмом принимает это предложение и в сентябре 1913 г. отправляется в Токио, где становится студентом факультета политэкономии в Университете Васэда — привилегированном учебном заведении, центре идейной жизни и распространения радикальных взглядов. Здесь открываются гораздо более широкие возможности для знакомства с новейшей политической и социально-экономической мыслью Запада, и есть все основания полагать, что именно в университетской библиотеке Ли Дачжао получил первое представление о марксизме: в Японии имели хождение переводы работ К. Маркса и Ф. Энгельса, довольно широко публиковались статьи японских и европейских авторов о социалистических учениях, о марксизме в том числе.

В атмосфере интенсивных интеллектуальных контактов, бесконечных споров и дискуссий в среде китайского землячества Ли Дачжао ищет какое-то новое средство избавления Китая от социальных недугов. В тот момент ему показалось, что оптимальный выход предлагает теория анархизма, которая в те годы в Китае не только соперничала в популярности с другими течениями социалистической мысли, но одно время

даже доминировала в среде радикальной молодежи. Это было неудивительно, если учитывать тогдашний уровень общественной мысли Китая. Ведь революционная пресса страны в первое десятилетие XX в. пестрила комментариями к русской революции 1905 г., которая воспринималась как результат воплощения в жизнь прежде всего народнических, нигилистических и анархистских идей; в пантеоне революционных героев у китайской молодежи на одном из первых мест стояла Софья Перовская. Успех анархистских идей в Китае объясняется не в последнюю очередь тем, что в них китайцы находили авторитетное подтверждение традиционным нигилистическим взглядам древнекитайских философов, в частности Лао-цзы и Чжуан-цзы. Кроме того, вековое господство феодального деспотизма вызвало в обществе ответную негативную реакцию, огульное неприятие вообще всех социально-политических, государственных и правовых институтов.

В. И. Ленин еще на рубеже веков характеризовал анархизм как «порождение *отчаяния*», называя его психологией «выбитого из колеи интеллигента или босняка, а не пролетария». В контексте этого ленинского положения становится понятным, что увлечение Ли Дачжао анархизмом было в какой-то степени закономерным: болезненно переживая национальный и социальный кризис в своей стране и разочаровавшись в тех методах, которые могла предложить буржуазная демократия для его преодоления, он резко меняет свою идеологическую ориентацию, связывая теперь надежды с действенными, как ему кажется, ультрареволюционными идеями. Квасисоциалистические теории создавали иллюзию быстрого достижения идеального общественного строя, где будет царить принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Анархистские мотивы в мировоззрении Ли Дачжао, как и во взглядах многих других молодых китайских радикалов, представляли собой эклектическую смесь из противоречивых и, казалось бы, трудносовместимых учений и теорий: «биосоциологического закона взаимопомощи» П. А. Кропоткина, концепций «стихийной революции» М. А. Бакунина и «собственной свободы» М. Штирнера, а также идеи пассивного сопротивления насилию Л. Н. Толстого. Кстати, интерес к анархизму возникает у Ли Дачжао именно после знакомства со

взглядами русского писателя: еще до поездки в Японию, в апреле 1913 г., им был опубликован перевод статьи «Программа толстовства».

Для токийского периода жизни Ли Дачжао характерна активная организаторская работа среди китайского студенчества. Главным направлением этой работы становится борьба с шовинистическими теориями об извечной приверженности китайского народа к монархии, об изначальной недоступности для него демократического образа жизни и мыслей. Стимулирование антимонархических настроений имело под собой вполне реальную почву: дело в том, что весной 1914 г. тогдашний президент Юань Шикай, сконцентрировавший в своих руках огромную власть и вынашивавший планы восстановления монархии, делает первый решительный шаг в этом направлении, опубликовав новый конституционный договор, предоставлявший президенту диктаторские полномочия. (Проект конституции был подготовлен политическими советниками Юань Шикая — американским юристом и социологом Ф. Гудноу и японским ученым-правоведом Арига Нагао.)

Угроза республиканским завоеваниям, пусть и не вполне реализованным, вызвала волну протеста со стороны всех прогрессивно мыслящих китайцев. Ли Дачжао одним из первых отреагировал на монархические амбиции президента, став инициатором и организатором манифестаций китайских студентов на улицах Токио, других выступлений, направленных против диктатуры Юань Шикая и планов реставрации монархии. С этого времени вся его деятельность отмечена самым активным участием в политической борьбе.

Ли Дачжао боролся и своим пером незаурядного публициста. Еще весной 1914 г. он установил творческий контакт с известным китайским журналистом Чжан Шичжао, издававшим в Токио влиятельный в те годы еженедельник «Тигр» («Цзяин цзачжи»). В этом издании 10 ноября 1914 г. и была помещена статья Ли Дачжао «О национальной специфике», в которой автор полемизирует с Ф. Гудноу как революционный демократ. Отвергая тезис американского специалиста о полном «политическом бескультурье» китайского народа, Ли Дачжао утверждает, что возникшая в новых социально-исторических условиях «национальная специфика» как раз и заключается в стремлении масс

стать подлинным хозяином своей судьбы, подчеркивает, что «вопреки всем попыткам обуздать народ строгими ограничениями он рвется к политической власти, невзирая ни на что». И далее: «Стремление заставить наш народ по-прежнему безропотно подчиняться воле правителей, ссылаясь на непривычность для него представительного правления, грубо противоречит именно его национальной специфике».

Вскоре после начала первой мировой войны Китай, хотя и объявил себя нейтральным, тоже столкнулся с глобальными трудностями. В августе 1914 г. Япония начала военные действия против Германии на китайской территории в Шаньдуне, а 18 января 1915 г. предъявила Китаю в форме ультиматума 21 кабальное для суверенитета страны требование, которые правительство Юань Шикая, обеспокоенное не авторитетом страны, а своими амбициями в борьбе за власть, готово было принять (большинство требований и было, кстати, удовлетворено в мае того же года).

Как только информация об этом появляется в японской печати, китайская студенческая молодежь в Японии, взволнованная судьбой нации, возмущенная унижительным характером требований и антинациональной позицией власть предержащих, поднимается на борьбу с империалистическими поползновениями японских правящих кругов. В авангарде этой борьбы — Ли Дачжао, проявивший себя в эти тревожные дни как истинный патриот. Он проводит большую организаторскую работу среди своих молодых соотечественников и возглавляет Союз китайских учащихся в Японии (Чжунго лю Жи сюэшэн хуэй). Для расширения антияпонской пропаганды создается журнал «Народные принципы» («Минь и»), в котором Ли Дачжао становится главным редактором и постоянным активным автором. От имени китайских студентов в Японии он пишет патристическое письмо «Предупреждение отцам государства», в котором, говоря о нависшей над Китаем угрозе и подчеркивая, что страна «находится на краю гибели», призывает лучшие силы нации дать отпор Японии. «Мудрые должны прибегнуть к своей мудрости, смелые — собрать свою смелость, богатые — предоставить свои богатства, вся страна, как один человек, должна собрать воедино общую волю и подняться, как стена». Письмо было тайно доставлено в Китай и широко расп-

роstrанялось в списках, мобилизуя общественное мнение на осуждение правительства Юань Шикая за готовность принять унижительные «21 требование».

В работах «Долг нации» и «Обращение к соотечественникам» (1915 г.) Ли Дачжао подчеркивает, что жизнь и смерть нации — в руках народа, и если этот «400-миллионный народ, как один человек, встанет на защиту своего отечества, никто не в силах будет поработить Китай». Таким образом, Ли Дачжао делает первые шаги на непростом пути революционной буржуазной демократии Китая к новой для нее, антиимпериалистической трактовке лозунга «национализма».

В августе 1915 г. Ли Дачжао, под влиянием идей крупного французского философа-интуитивиста А. Бергсона, прежде всего его работы «Творческая эволюция», публикует в журнале «Тигр» статью «Пессимизм и самосознание», в которой с горечью констатирует, что китайцы издревле привыкли покоряться обстоятельствам, склонять голову перед трудностями. Он полемизирует со своим старшим соотечественником, одним из первых сторонников марксизма в Китае и впоследствии инициатором создания компартии Чэнь Дусю, который, как и многие другие радикалы, был глубоко обескуражен поражением Синьхайской революции и поддался упадническим настроениям. В статье «Патриотизм и самосознание» Чэнь Дусю главной причиной всех бед Китая называл отсутствие национального самосознания, а «патриотизм» считал препятствием на пути формирования самосознания китайской нации, поскольку в умах людей он был слишком прочно связан с авторитарической традицией, слепой преданностью деспотическому государству. За этим следовал отказ от политической деятельности и призыв покоряться естественному ходу вещей.

Отвергая провиденциализм и «пассивный детерминизм» в историческом развитии, пессимистические мотивы в духе философии А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, Ли Дачжао отдает предпочтение теории свободной воли А. Бергсона и подчеркивает, что китайской интеллигенции надо заняться политическим просвещением народа и, «исходя из теории свободной воли, стремиться идти вперед, с тем чтобы изменять обстоятельства». В условиях тогдашнего Китая, веками жившего с непоколебимой верой во всемогущество «воли Неба», отк-

ровенный призыв к «свободе воли» и активным действиям имел, безусловно, прогрессивное значение, хотя и содержал в себе определенную опасность стимулирования волюнтаристских тенденций в будущем.

Незадолго до возвращения в Китай, в мае 1916 г., Ли Дачжао сформировал свое кредо как демократа в статье «Народные принципы и политика». Подчеркивая, что нельзя пользоваться «луком и стрелами в войне с самолетами, подводными лодками и пушками», он видит причины стагнации политической жизни Китая и консервативности его общественной мысли в слепой некритической приверженности старине, некоему «золотому веку», который на самом деле давно и безвозвратно миновал. Новая эпоха неизбежно требует новых идей. Цитируя переведенный на китайский язык труд Дж. С. Милля «О свободе», Ли Дачжао убеждает читателей, что главным виновником отсутствия развитого политического сознания в Китае, неумения самостоятельно мыслить без сомнения надо считать конфуцианские традиции. Но несмотря на столь, казалось бы, решительное отрицание старых стереотипов, всего устаревшего и отжившего, Ли Дачжао тогда, в 1916 г., и, как показало время, еще долго в дальнейшем не мог преодолеть влияния ортодоксальной идеологии, конфуцианского этноцентризма.

Накануне перелома

Обстановка в самом Китае в конце 1915 — начале 1916 гг. была тревожной; вполне реальной оставалась угроза монархической реставрации. Ли Дачжао решает, что в эти дни его место на родине, среди соотечественников, которые вели борьбу с камарильей Юань Шикая. В апреле 1916 г. Ли Дачжао, даже не сдав последние экзамены в университете, возвращается в Китай, где антимонархическое движение достигает апогея. Первое время он живет в Шанхае, но после неожиданной смерти Юань Шикая, положившей конец надеждам феодально-монархических сил на восстановление прежнего порядка, переезжает летом того же года в Пекин. С этим городом связана вся его дальнейшая революционная деятельность.

По приезде в Пекин Ли Дачжао становится одним из секретарей Тан Хуалуна, который в это время помо-

гал другим либералам-конституционалистам — Лян Ци-чао, Сунь Хунъи, Чжан Дунсуню и Чжан Цзюньмаю — в формировании Ассоциации изучения конституции (Сяньфа яньцзю хуэй) — политико-просветительской организации, ставшей широко известной как Исследовательская группа (Яньцзю си). Оказался вовлеченным в деятельность этой группировки и Ли Дачжао: благодаря рекомендации Тан Хуалуна, он с августа 1916 г. начинает редактировать и издавать печатный орган группы, новую газету «Утренний набат» («Чэньчжун бао»). В передовой первого номера газеты, озаглавленной «Миссия «Утреннего набата»», Ли Дачжао поднимает голос в защиту республиканских идей и опровергает тех, кто считал Китай «обреченным государством». Напротив, он выражает уверенность в неизбежном национальном возрождении, возлагая все свои надежды на молодое поколение, для которого «не существует слова «трудно»». В это время он начинает сотрудничать и с другим радикальным изданием — издававшимся прогрессивной профессурой Пекинского университета журналом «Новая молодежь» («Синь циннянь»), в котором в сентябре 1916 г. публикует получившую широкий резонанс статью «Молодость», полную оптимизма, искренней, хотя и романтической веры в здоровый потенциал нации. Обращаясь к молодежи, Ли Дачжао пишет: «Наша задача состоит не в том, чтобы нация выжила, а в том, чтобы она родилась вновь и вернула себе весну».

Для статей Ли Дачжао того периода, его деятельности как руководителя газеты «Утренний набат» характерны твердая апология идей национальной революции и демократической республики, убеждение в том, что откровенность, принципиальность и компетентность — необходимые атрибуты профессиональной журналистики. Однако лидерам Исследовательской группы, спонсорам «Утреннего набата» Ли Дачжао нужен был лишь на определенном этапе в их закулисной борьбе за власть. Когда же он обеспечил значительный и устойчивый рост тиража этого издания, его радикальный максимализм начинает приходить в противоречие с достаточно умеренными и «рациональными» планами либералов-конституционалистов, видевших альтернативу развитию революционного движения в осуществлении верхушечных реформ. Они ограничивались про-

пагандой конституционных идей, что в тех условиях было одной из завуалированных, хотя и достаточно прозрачных для тех, кто читал между строк, форм протеста против неограниченной власти Юань Шикая. Для характеристики их позиции мог бы в известной степени послужить тезис В. И. Ленина, который, отмечая противоречивые тенденции, свойственные либеральной буржуазии, говорил, что вчера она боялась богдыхана, а сегодня, не приемля насилия социальной революции, откажется от сотрудничества с радикалами ради союза «с каким-нибудь старым или новым «конституционным» богдыханом». Пафос решительных действий, насильственной революции и народовластия претил лидерам Исследовательской группы, и с этой точки зрения вполне закономерно, что всего после трех месяцев руководства «Утренним набатом» Ли Дачжао пришлось уйти из этого издания.

С конца 1915 г. в духовной жизни Китая, несмотря на сложность внутреннего и международного положения страны, наблюдается значительное оживление, кульминацией которого становится «движение за новую культуру», развивавшееся под лозунгами «Наука и демократия», «За знания, демократические идеи и политический строй!». Это движение прогрессивной интеллигенции было направлено против консерватизма и национальной ограниченности, конфуцианского канона и морального кодекса, против религии и суеверий. Иными словами, инициаторы движения видели перспективу национального возрождения не в гальванизации всего комплекса отечественного духовного наследия, но в модернизации Китая с учетом достижений западной культуры. Правда, конструктивный потенциал движения ограничивался узко, подчас, истолкованными просветительскими лозунгами: содержал призывы к овладению научно-техническими знаниями, эмансипации личности, просвещению масс и т. п. Ли Дачжао, зарекомендовавший себя как искренний сторонник всего нового и прогрессивного, как глашатай лозунгов равенства и индивидуальной свободы, не мог не примкнуть к этому движению. Более того, завоеванный им к тому времени определенный авторитет как публициста и задатки интеллектуального лидера привели его в авангард движения.

Борьба за демократию была неотделима от борьбы

против конфуцианства, поскольку это этико-политическое учение скомпрометировало себя в глазах многих китайцев, служило олицетворением деспотических порядков. Именно поэтому в статьях Ли Дачжао «Конфуций и конституция» (январь 1917 г.) и «Естественно-этические взгляды и Конфуций» (февраль 1917 г.) акцент перенесен с критики монархического деспотизма как политического института на его идеологическую основу — догматизированное конфуцианское учение. Своеобразным катализатором в отрицании Ли Дачжао культа Конфуция стали попытки конституционной легитимации конфуцианства, в частности, предложение Кан Ювэя провозгласить конфуцианский канон государственной религией Китая и намерение включить в проект конституции статью «Нравственное совершенствование в соответствии с учением Конфуция составляет основу национального просвещения». «Конституция — гарантия свободы современных наций, — пишет Ли Дачжао. — Как деспотизм исключает свободу, так Конфуций не оставляет места для конституции».

Тем не менее влияние традиции сказывалось и здесь. Дело в том, что к концу второго десятилетия XX в. большинство представителей «новой интеллигенции» (как прогрессивной, так и умеренно-либеральной и даже часть консервативно-националистической) осознало необходимость модернизации Китая в соответствии с западными образцами. Однако декларируя свою приверженность «западничеству», тогдашние интеллектуальные лидеры по-прежнему, порой не отдавая себе в том отчета, испытывали значительное влияние глубоко интегрированных в сознание традиционных стереотипов, и зачастую сама критика конфуцианства приобретала традиционные черты (например, у У Юя). Именно поэтому Ли Дачжао, как и большинство участников «движения за новую культуру», называвших Конфуция «щитом деспотизма», считал, однако, что осуждения заслуживает не «классическое», а лишь «фальсифицированное» деспотическими правителями конфуцианство. Он подчеркивает, что отнюдь не против самого Конфуция и его учения вообще: «Отвергая Конфуция, я обрушиваюсь не на него лично, а на авторитет идола, вылепленного из Конфуция монархами. Я посягаю не на Конфуция, а на самую суть деспотизма, на его душу».

Осуждение конфуцианства как идейной основы автократии, как олицетворения жоскости социально-политических порядков не привело тогда Ли Дачжао к огульному отказу от духовной и культурной традиции Китая. С другой стороны, росло его увлечение западными ценностями, идеи «национальной реконструкции» и «самоусиления» все гуще окрашивались в модернизаторские тона, поскольку перспективы «возрождения былого величия Китая» все больше отождествлялись с модернизацией в соответствии с западными, в том числе социалистическими, моделями. В результате Ли Дачжао, как и многие другие теоретики, оказался перед сложной дилеммой, связанной с отказом либо от традиционализма, либо от модернизма. Сохраняя приверженность первому, но и ясно осознавая необходимость его «осовременивания», он предпринимает попытки найти выход на пути «вестернизации» традиции, то есть обращается к модной тогда и доказавшей впоследствии свою плодотворность идее синтеза старого и нового. Понимая, что «седой Китай» отжил свое, он рассматривал возрожденный Китай как принципиально новое национально-государственное образование, которое, однако, в известной степени не может не быть связанным с эпохой юности китайской культуры. В статье «Основные различия между восточной и западной цивилизациями», опубликованной в июле 1918 г., он, с одной стороны, признает наличие в китайской традиции существенных недостатков (идеология деспотизма, кастовость, иерархичность и жесткая регламентация общественной жизни, неуважение к индивидуальной свободе и пренебрежение к личности и т. п.); с другой стороны, испытывая влияние распространившегося после первой мировой войны взгляда о духовном превосходстве культуры Востока, в частности Китая, над «голоматериалистичной», алчной и бездуховной культурой Запада, Ли Дачжао пишет об определенных преимуществах китайской цивилизации, которая не жертвует созерцательным спокойствием и духовной глубиной ради узкого практицизма, приведшего Европу к войне и депрессии, даже «моральной деградации». Главный вывод сводится к необходимости взаимного обогащения двух культур — новая мировая культура может быть образована лишь путем синтеза восточной и западной системы ценностей.

Здесь можно было бы отметить, что возникновение тенденции синтеза не было чем-то неожиданным для Китая. Напротив. Синкретический подход был и остается характерен для китайских идеолого-политических деятелей всех поколений и направлений. По крайней мере в XX в. — от Лян Цичао и Сунь Ятсена, через Чжан Цзюньмая и Чжан Дунсуня, далее Фэн Юланя и Хэ Линя и до Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. (Исключение здесь разве что Ху Ши.) Очевидно, что, помимо тех или иных объективных факторов, здесь сказывается не только и даже не столько социальная позиция, те или иные задачи общественного развития, сколько выработавшийся веками практицизм китайского ума, предписывающий утилизировать все, что, как представляется, может служить достижению поставленной цели, коль скоро цель эта велика и насущна.

Разрыв с «Утренним набатом» нельзя считать неудачным дебютом. Уход из газеты вовсе не означал отказа от активной журналистской и редакторской деятельности. Напротив, теперь Ли Дачжао почувствовал вкус к издательскому делу. Помимо сотрудничества с журналом «Новая молодежь», он в первой половине 1917 г. приступает к редактированию газеты «Тигр» («Цзяин бао») — наследницы одноименного журнала давшего ему «путевку в жизнь» как публицисту. Менее чем за три месяца он публикует в этом издании около полусотни заметок и статей, в которых освещает широкий спектр внутривластных проблем и международного положения, говорит о взаимообусловленности борьбы за национальное освобождение с борьбой за превращение Китая в демократическое государство. Однако и на этот раз радикально-демократическая ориентация Ли Дачжао, его неподдельный интерес к революционным событиям в России приводят к разногласиям с финансовыми покровителями газеты. Результат тот же — Ли Дачжао уходит из редакции.

Политическая обстановка и идеологическая атмосфера на севере Китая, где жил и работал Ли Дачжао, были крайне неблагоприятны для активной оппозиционной деятельности. Реставрированный к тому времени парламент был послушной игрушкой в руках нового премьера, своеобразного старосты северных милитаристов Дуань Цижуня. Вожди милитаристских сотрапий

использовали парламент как ширму в своих закулисных, а порой и открытых, с оружием в руках, маневрах в борьбе за власть и сферы влияния. Восстановленная конституция 1912 г. оставалась лишь листом бумаги, фактически не дававшим никаких гарантий защиты от репрессивного произвола властей, целенаправленно преследовавших истинных приверженцев республиканских идеалов. Но и в этих условиях Ли Дачжао находит силы и возможности для развенчания монархии и критики реакции, для пропаганды идей равенства и свободы. В целом, можно говорить об общедемократической декларативности статей Ли Дачжао. Однако нельзя, разумеется, игнорировать и подтекст его публичных выступлений, имевших вполне определенный политический адрес и отнюдь, кстати, не безобидных и не безопасных перед лицом репрессий.

Однако в своем стремлении к изменению существовавших порядков и национальному возрождению Ли Дачжао зачастую больше руководствуется эмоциями; революционные взгляды, идеи прогресса и справедливости причудливо переплетаются в его мировоззрении с наивными либеральными иллюзиями, глубоко интегрированными в сознание элементами традиционной идеологии. Свой отпечаток на его мышление наложили некритически воспринятые толстовство и бергсонизм, квазисоциалистические и домарксовские материалистические идеи. Иными словами, неконформизм Ли Дачжао существенно не отличался от взглядов большинства радикально настроенных интеллигентов его поколения, в которых отсутствовала необходимая стройность и глубина; окрашены они были в эклектические тона.

На этом этапе своей жизни Ли Дачжао остается радикальным буржуазным просветителем, революционным демократом. Однако он не останавливается в своем идейном развитии, его демократизм постепенно приобретает все более отчетливый революционный оттенок. Для следующего же качественного сдвига в мировоззрении нужен был новый импульс. Этим импульсом послужили революционные события 1917 г. в России. Начался новый, не менее, если не более, важный этап в идейном возмужании Ли Дачжао, который завершился вместе с созданием компартии Китая в июле 1921 г.

НА ПЕРЕЛОМЕ

Эхо революционных событий в России не могло не взволновать передовую китайскую общественность, в первую очередь деятелей революционно-демократического лагеря. Крах самодержавия, первые шаги демократических институтов вызывали у них аналогии с недавней историей Китая, вселяли в них надежды на возможность кардинальных перемен и в китайском обществе. В опыте русской революции они увидели пример для подражания, реальное воплощение своих собственных смутных надежд на обретение действенного средства радикальной переделки общества.

«Алая горячая кровь русских...»

Когда первые сообщения о Февральской буржуазно-демократической революции в России и свержении династии Романовых достигли Китая, Ли Дачжао был одним из тех, кто сразу и безоговорочно выразил свои восторженные симпатии к решительным действиям российского народа. Под свежим впечатлением он пишет серию статей и заметок, из которых наибольший резонанс получили работы «О влиянии великой русской революции», «Создание республиканского правительства в России», «О далеких и близких причинах русской революции» (март 1917 г.) и другие. Ли Дачжао расценивает Февральскую революцию как торжество идей свободы, как начало конца автократии и «бюрократического правления» в XX в.: «Теперь и у нас одряхлевшая бюрократия начинает понимать, что невозможны возрождение деспотизма и возвращение времен, когда попирались права народа, что невозможно уничтожить республику и реставрировать монархию... Мы должны последовать примеру русских, пробудиться и разобраться в наших внутренних делах». Хрестоматийными стали строки Ли Дачжао: «Алая горячая кровь русских смывает сегодня весь хлам, накопившийся за многие годы в политической жизни России, и орошает всходы свободы в Китае». Ли Дачжао проводит параллели с революционными катаклизмами в Китае, размышляя о судьбах революционного движения в двух странах, находит немало сходных черт и вслед за Сунь Ятсеном и другими политическими и интеллектуальными лидерами

видит прообраз Февральской революции в революции Синьхайской. Этот тезис можно было бы оспорить, но в данном случае не это главное. Гораздо важнее вывод, к которому приходит китайский революционный демократ: «Успех русской революции в какой-то степени зависит от революции в нашей стране. Теперь же мы должны использовать победу русской революции для укрепления республиканского строя у нас. Таким образом, между нами существует закономерная взаимозависимость и взаимосвязь, а это — достаточное основание для установления дружественных отношений Китая с Россией».

Новый качественный сдвиг в идейном становлении Ли Дачжао начинается после Октябрьской революции в России, известия о которой появились в китайской периодике уже в первой половине ноября 1917 г. Интерес Ли Дачжао к марксистской теории, с которой он познакомился в Японии, перестает быть чисто академическим, события в России, первые декреты Советской власти заставляют его по-новому взглянуть на марксизм как на учение, предлагающее свой, наиболее действенный, как ему теперь представляется, путь решения социально-политических проблем Китая.

В отличие от многих, даже прогрессивно настроенных современников, настороженно встретивших Октябрьскую революцию, сомневавшихся в применимости ее методов в китайских условиях или открыто не принявших ее, Ли Дачжао уже весной 1918 г. публикует работы «Сегодня» и «Старое! Новое!», в которых идеи, пунктиром намеченные в статье 1916 г. «Молодость», конкретизируются в тезисе о ликвидации отжившего строя в целом — как единственно верном пути преодоления кризиса в китайском обществе. Более детальный анализ предпосылок Октябрьской революции, ее содержания и последствий содержится в статьях «Сравнение французской революции с русской» и «Поражение «панъизмов» и победа демократии» (июль 1918 г.). Ли Дачжао становится первым в истории китайской демократической мысли автором, непредвзято обрисовавшим внутривнутриполитическую картину в послереволюционной России и поставившим вопрос о международном значении опыта событий в России: «Нынешняя русская революция — величайший поворот в истории и, подобно французской, она будет определять развитие

цивилизации грядущих веков». Он идет в своих рассуждениях еще дальше и подчеркивает, что Октябрьская революция предлагает гораздо более надежный путь разрешения противоречий китайского общества, нежели Великая французская революция 1789 г.

На страницах ноябрьского номера журнала «Новая молодежь» за 1918 г. была опубликована своеобразная публицистическая диалогия Ли Дачжао — статьи «Победа народа» и «Победа большевизма», которые представляли собой запись его речей на многолюдных митингах в Центральном парке Пекина, посвященных окончанию первой мировой войны и заключению Компьенского перемирия (11 ноября 1918 г.). В отличие от других ораторов, которые говорили о державах Антанты как о бастионах свободы и демократии, гарант дальнейшего прогрессивного развития человечества, Ли Дачжао убеждал аудиторию, что победа в первой мировой войне была достигнута не только и даже не столько Антантой, не благодаря доктрине «14 пунктов» В. Вильсона; главная заслуга в завершении кровопролития, с его точки зрения, принадлежит народным массам и социалистическому движению: «Подлинная причина окончания войны... это — победа гуманизма, победа идей мира и справедливости, победа свободы и демократии, победа социализма и большевизма...»

Реакция Ли Дачжао на Октябрьскую революцию, при всей своей позитивной однозначности, убеждает также в том, что он воспринял ее скорее романтически. Но, пусть пока и эмоционально, он уже ощутил себя потенциальным сторонником большевизма, который расценивал теперь как основанный на учении К. Маркса и В. И. Ленина «революционный социализм». Для того, чтобы «субъективный социализм» перерос в твердые убеждения, необходимо было еще пройти нелегкий и во многом противоречивый путь, ликвидировать более чем существенные пробелы в марксистском образовании, избавиться от иллюзий и искаженных представлений о сущности марксистско-ленинской теории.

Деятельность Ли Дачжао в это время не ограничивается публицистикой, занятия которой он совмещает с активной организаторской и просветительской работой. В феврале 1918 г. он принимает предложение нового ректора Пекинского университета, авторитетного ученого и общественного деятеля Цай Юаньпэя и ста-

новится директором университетской библиотеки. Владея японским и английским языками, он с головой уходит в изучение переводов «Капитала» и «Манифеста Коммунистической партии», другой социалистической литературы. Ли Дачжао, всегда уделявший пристальное внимание проблемам молодого поколения и веривший в революционный потенциал молодежного движения, принимает летом 1918 г. самое непосредственное участие в формировании Общества изучения молодого Китая (Шаонянь Чжунго-сюехуэй), которое по замыслу его создателей должно было организовать патриотическую оппозицию прояпонскому режиму премьеры Дуань Цижуня и в которое наряду с анархистами, разномастными социалистами и националистами вошли и будущие деятели китайского коммунистического движения. Когда эта организация окончательно оформилась в июле 1919 г., Ли Дачжао становится заметной фигурой в ее руководстве и постоянным автором ее печатного органа — популярного в то время журнала «Молодой Китай» («Шаонянь Чжунго»).

В ноябре 1918 г. Ли Дачжао начинает свою академическую карьеру: по рекомендации либерального деятеля Чжан Шичжао — в прошлом редактора журнала «Тигр», где Ли Дачжао начинал как публицист, — и Чэнь Дусю, бывшего в то время заведующим учебной частью Пекинского университета, Ли Дачжао в звании профессора приступает к чтению лекций по политэкономии, к которому позднее добавляет курсы по историческому материализму, истории социалистической мысли и юриспруденции. В течение последующих десяти лет он поддерживает контакты с крупнейшими вузами Китая, выступает перед студентами женских и мужских педагогических институтов Пекина, Уханя, Шанхая, Гуанчжоу и других университетских центров с лекциями по истории женского движения и истории философии. Здесь, в Пекинском университете, в конце 1918 г. Ли Дачжао начинает нелегальную пропаганду марксизма в студенческой среде, знакомит студентов с «Капиталом» К. Маркса. В этом же году он становится инициатором создания Общества изучения марксизма (Макэшичжун яньцзюхуэй).

Несмотря на активную преподавательскую, практическую и организаторскую деятельность, Ли Дачжао никогда не оставлял журналистскую работу. В 1918 г.

он входит в состав редколлегии журнала «Новая молодежь», а в декабре того же года вместе с Чэнь Дусю создает еженедельник «Критическое обозрение» («Мэйчжоу пинлунь»), сотрудничает и с такими прогрессивными периодическими изданиями, как ежемесячник «Нация» («Гоминь юебао»), «Новая жизнь» («Синь шэнхо»), «Молодой Китай» («Шаонянь Чжунго»), «Утро» («Чэнь бао»), и другими, в том числе провинциальными демократическими журналами. На их страницах была опубликована серия остроумных политических миниатюр Ли Дачжао, сокращенные переводы «Манифеста Коммунистической партии», отрывков из произведения Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», переводы первых документов Советской власти — декретов о земле, о мире, законов о труде и равноправии женщины, «Декларации прав народов России», Конституции РСФСР и др.

В первые месяцы 1919 г. Ли Дачжао пишет несколько статей, каждая из которых интересна по-своему, поскольку отражает тенденции развития тогдашней китайской мысли вообще и рост социалистических мотивов в мировоззрении самого Ли Дачжао в частности. 5 января 1919 г. в «Критическом обозрении» появляется статья «Новая эра», подводящая на этом этапе итог размышлениям Ли Дачжао о влиянии военных и революционных катаклизмов второго десятилетия XX в. на судьбы человечества. Наступление новой эпохи он видит в пробуждении революционных потенций народных масс; наиболее яркое подтверждение тому — русская революция, послужившая катализатором народного подъема в других странах: «Кровь, пролитая в мировую войну 1914 г., кровь русской революции 1917 г. и революции 1918 г. в Германии и Австрии... смыла все и расчистила почву для новой эпохи».

Эти новые и для него, и для всей общественной мысли Китая идеи получают дальнейшее и, можно сказать, закономерное развитие в ближайшее же время. Взгляды Ли Дачжао завоевывают популярность не в последнюю очередь потому, что он находит точки соприкосновения отвлеченных, казалось бы, теоретических выкладок с насущными проблемами китайского общества. На рубеже 20-х годов такой наболевшей проблемой становилось решение судьбы низших слоев общества — различных категорий городской бедноты, но прежде

всего, конечно, многомиллионного крестьянства и гораздо менее многочисленного, но влачившего столь же жалкое и бесправное существование рабочего класса. Этому кругу вопросов Ли Дачжао посвящает серию публицистических материалов, среди которых выделяются такие статьи, как «Проблема просвещения рабочих» (февраль 1919 г.), «Жизнь рабочих Таншаньских угольных копей» (март 1919 г.), «Молодежь и деревня», «Молодежное движение» молодого Китая» (февраль 1919 г.) и некоторые другие.

Ли Дачжао стремится убедить соотечественников в желательности и необходимости внесения элемента сознательности в забастовочное движение. Первыми шагами на этом пути, по его мнению, должны стать распространение популярной литературы, создание библиотек и читален для рабочих, других учреждений культурно-просветительского характера. Подразумевается, что главная тяжесть этой работы ляжет на плечи интеллигенции. С точки зрения Ли Дачжао, почти аналогичной должна быть роль интеллигенции и в крестьянской среде. Впервые поставив вопрос о союзе революционной интеллигенции с крестьянской массой, он подчеркивает необходимость объединения их усилий в деле ликвидации феодально-помещичьего землевладения, патриархальных порядков и «паразитического слоя, угнетающего крестьянство»: «Ныне, когда вся страна погружена во мрак, кто, кроме нас, небольшой группы молодежи, способен просветить крестьянство и поднять его на борьбу за освобождение, объяснить причину его страданий, помочь вырваться из тьмы и самому распорядиться своей судьбой?»

К этим работам логически примыкают статьи, посвященные другим, не менее острым социальным болезням Китая. Проблема эмансипации женщин, занимавшая тогда умы многих китайских радикалов, неизменно волновала и Ли Дачжао, видевшего в бесправном и униженном положении китайских женщин тревожный симптом консервативности и отсталости всего общества, фактор возможной стагнации существующих порядков. Иллюстрация тому — статьи «Женская проблема после войны» (февраль 1919 г.), «Проблема ликвидации проституции» (апрель 1919 г.) и др.

Помощь молодежным объединениям в создании и редактировании революционно-демократической печат-

ти — еще одна грань деятельности Ли Дачжао. В начале 1919 г. он оказывает финансовую помощь студентам Пекинского университета в издании журнала «Новый прибой» («Синь чао»), в котором при его активном содействии публикуется ряд статей о революционном движении в России, некоторые лучшие образцы прогрессивной художественной литературы, в частности рассказ крупнейшего китайского писателя Лу Синя «Завтра», рассказы и сказки-памфлеты другого известного литератора Е Шэнтао и т. п. Тогда же по инициативе Ли Дачжао создается орган патриотического союза студентов — журнал «Нация»; советы и рекомендации Ли Дачжао помогают еще одному студенческому объединению в редактировании ежемесячника «Пробуждение» («Цзюеу»). Список этот можно было бы продолжить.

Наряду с большой работой как члена редколлегии таких влиятельных изданий, как «Новая молодежь» и «Критическое обозрение», Ли Дачжао отвечает за выпуск седьмой полосы в приложении к газете «Утро» («Чэнь бао фукань» — наследницы «Утреннего набата»). По его инициативе с 5 мая 1919 г. (в ознаменование 101-й годовщины со дня рождения К. Маркса) в этом издании вводится рубрика «Изучение Маркса», где в течение шести последующих месяцев были опубликованы «Наемный труд и капитал» К. Маркса, «Экономическое учение Карла Маркса» К. Каутского, подборка материалов из японского журнала «Проблемы социализма», работа японского социалиста Каваками Ходзимэ «Исторический материализм Маркса».

Но и в этот период своей деятельности Ли Дачжао еще, разумеется, не свободен от ошибок и заблуждений. «Переболев» социал-дарвинизмом, он еще не «излечился» от влияния некоторых анархистских идей, пытается противопоставить взглядам Г. Спенсера теорию взаимопомощи П. А. Кропоткина, причем в его апологии элементов анархизма заметно воздействие импульсов, идущих от национал-реформистского восприятия противоречий китайского общества, внеклассовой трактовки национальной солидарности, что, возможно, и приводило к сочувствию мотивам «социального партнерства»: «Сотрудничество и дружба являются общим законом жизни человеческого общества». Рецидивы анархистских настроений встречаются у Ли

Дачжао и в дальнейшем, но уже преимущественно как отголоски прежних заблуждений.

Общая же тенденция его духовного развития уже иная. Процесс перехода на марксистско-ленинские позиции приобретает, пожалуй, необратимый характер. Иллюстрация тому — его заочная или прямая полемика с другими мастерами и подмастерьями общественной мысли Китая того времени. На апологетическую статью Чэнь Дусю, находившегося в плену обаяния западной демократии, Ли Дачжао отвечает передовицей в следующем же номере «Критического обозрения» — «Новая эра», где пишет об эксплуататорской сути западной цивилизации. Здесь же он критикует теорию английского экономиста и священника Т. Р. Мальтуса и мальтузианство вообще, подчеркивая, что причина бедствий неимущих и угнетенных не в перенаселении, но в несовершенстве общественных отношений. Еще пример такой заочной полемики. Когда один из соредкторов журнала «Новая молодежь», духовный ментор китайских «западников» профессор Ху Ши выпустил апрельскую книжку журнала за 1919 г., целиком посвятив ее прагматистскому учению, Ли Дачжао выпускает «свой», майский номер, посвященный К. Марксу и марксизму. Справедливости ради, нельзя не признать, что материалы номера были не равноценны, отнюдь не все авторы положительно оценивали марксистские идеи: буржуазный ученый Гу Шаоюнь в статье «Учение Маркса» отвергал марксистские взгляды с идеалистических позиций; в переводе статьи английского публициста А. Рапопорта «Философские основы русской революции» автор называл душой революционного движения в России народнические теории А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, отдавая им приоритет над большевизмом; анархист Хуан Линшун отрицал марксистскую теорию о государстве с помощью идей П. А. Кропоткина и М. И. Бакунина. В противовес этим работам в номере были помещены статьи и заметки Юань Цюаня «Боевая жизнь Маркса», Лю Бинлиня «Краткая биография Маркса», отрывки из книги Каваками Ходзимэ «Исторический материализм Маркса» и другие, в которых авторы, в меру своего тогдашнего понимания, пытались разобраться в положительном потенциале марксизма.

Среди прочих материалов в номере была помещена

статья самого Ли Дачжао «Мое представление о марксизме», содержащая краткое, но достаточно стройное для Китая того времени изложение сути учения К. Маркса. Полемизируя с либеральными идеологами, которые на основании тезиса о классе как моральной категории, об огромной консолидирующей силе нации и примате национального над социальным по существу отрицали наличие классовых антагонизмов в китайском обществе, Ли Дачжао не только давал верную в целом картину расстановки классовых сил в капиталистическом обществе, но и оценивал теорию классовой борьбы как стержень марксистской системы взглядов. Он говорит о значении марксизма для судеб поступательного развития человечества, подчеркивает действенный характер материалистического взгляда на историю, доходчиво разъясняет сущность таких категорий, как прибавочная стоимость, средняя норма прибыли, аккумулярованный капитал и т. п.

В целом статья Ли Дачжао стала первой попыткой в кругах теоретизирующей китайской интеллигенции дать обстоятельное изложение основ марксистского учения. Однако и майскому номеру журнала «Новая молодежь» и рубрике «Изучение Маркса» на 7-й полосе в приложении к газете «Утро» были присущи определенные, порой существенные, недостатки, неверное толкование марксистских взглядов. Это было общей чертой мировоззрения первых сторонников марксизма в Китае того времени. Они не были достаточно подготовлены для того, чтобы дать верную оценку, например, той же теории диктатуры пролетариата или политическому подтексту работы приехавшего в Китай английского философа и социолога Б. Рассела «Принципы социальной реконструкции», провести четкую грань между взглядами и политическими позициями левых и правых лидеров германской социал-демократии (А. Бебеля, К. Либкнехта, Ф. Оппенгеймера, Ф. Шейдемана и др.). Тогдашним единомышленникам Ли Дачжао мешал их идейный инфантилизм и революционный дилетантизм. Субъективной и произвольной классификацией течений социалистической мысли грешили Чэнь Дусю и Ли Да, подобные же «детские» ошибки встречались и в аргументации Ли Цзи и многих других «субъективных социалистов».

Не избежал этих ошибок и Ли Дачжао. Его работы

того периода, в том числе и статья «Мое представление о марксизме», свидетельствуют, что он еще был далек от понимания единства и взаимообусловленности двух главных факторов общественного развития, считая, что Маркс противоречит сам себе, когда в одном месте говорит о классовой борьбе как движущей силе истории, а в другом — отводит эту роль производительным силам. Сомневался он и в правильности марксовской трактовки отношений между стоимостью и ценой товара, писал, что «шаткость теории стоимости как основы марксизма может повлечь за собой потрясение всего учения Маркса, что было бы весьма прискорбно». Эти ошибки были неизбежны, ибо Ли Дачжао, как и все китайские радикалы того времени, не имел еще возможности действительно глубокого и серьезного ознакомления с марксистскими идеями. Время, отпущенное на их адекватное осмысление, было тем более ограничено. Ли Дачжао, как и многие другие деятели революционного движения в отсталых, колониальных и полуколониальных странах с огромным грузом прошлого и инерцией традиционных стереотипов, неизбежно должен был пройти этап, когда, по словам Маркса, «новичок, изучивший иностранный язык, всегда переводит его мысленно на свой родной язык». Ситуация осложнялась тем, что не подготовленному должным образом теоретику было чрезвычайно трудно ориентироваться в широком спектре различных социалистических теорий, каждая из которых претендовала на истину и внешне выглядела, как правило, не менее привлекательно, чем другие. Не случайно именно в 1919 г. некоторые китайские авторы предприняли попытки критиковать марксистскую экономическую теорию с позиций бернштейнизма, характеризовали взгляды Э. Бернштейна, К. Каутского, П. А. Кропоткина как последнее слово в науке, пришедшее на смену марксизму, созданному в XIX в., а потому и пригодному, с их точки зрения, лишь для своего времени. Один из учеников Ли Дачжао, в то время студент Пекинского университета, а впоследствии известный публицист и руководитель КПК Цюй Цюбо, вспоминая свои первые шаги на пути знакомства с марксистским учением, образно сравнил тогдашние представления китайцев о социализме с тем, «как будто мы смотрели на рассвет через занавешенное тюлем окно», писал, что сам смысл социализма не был до кон-

ца ясен, отсутствовала даже четкая классификация, не говоря об исчерпывающем понимании существующих социалистических течений.

Чтобы преодолеть ошибки и недостатки, заблуждения и иллюзии, необходимо было проверить все эти учения «на прочность», на практике убедиться, какое из них предлагает действительно радикальные средства преодоления кризиса в китайском обществе, пути разрешения наболевших проблем и противоречий. Такая возможность вскоре представилась в ходе антиимпериалистического «движения 4 мая» 1919 г., ознаменовавшего собой новый этап развития национально-освободительного и революционного движения в Китае.

«Движение 4 мая»

«Движение 4 мая» 1919 г. занимает одно из центральных, если не первостепенное по значению место в процессе идеологической трансформации китайской интеллигенции. Генеалогия его прослеживается в общественных катаклизмах накануне и после Синьхайской революции 1911 г. и «движении за новую культуру», а непосредственные предпосылки — в росте национального самосознания китайцев и влиянии революционных событий в России. Поводом же послужили кабальные для Китая решения Парижской мирной конференции (18 января 1919 — 21 января 1920 гг.).

Китай, вступивший в первую мировую войну на стороне Антанты в августе 1917 г., рассчитывал, что ему как члену победившей коалиции удастся ликвидировать привилегии Германии на своей территории. Именно поэтому весть об окончании войны, как уже говорилось, была встречена китайцами с огромным энтузиазмом, который вылился в стихийные митинги и демонстрации, факельные шествия и т. п. Отрезвление наступило сразу после обнародования проекта Версальского мирного договора, по которому все права и привилегии Германии в Китае, в частности контроль над провинцией Шаньдун, переходили в руки другой державы — Японии, и вывод иностранных войск не предусматривался.

Решения конференции в Версале вызвали взрыв стихийного возмущения в Китае, прежде всего у патриотической общественности. В авангарде движения

протеста оказались пекинские студенты, которые 4 мая 1919 г. вышли на улицы города под лозунгами «Соотечественники, поднимайтесь!», «Защитим национальный суверенитет!», «Верните нам порт Циндао!». Демонстранты требовали непризнания Версальского договора, аннулирования «21 требования», возвращения Шаньдуна Китаю и смещения министров из кабинета Дуань Цижуя, скомпрометировавших себя политикой уступок Японии. В последующие недели массовые патриотические антияпонские выступления, в которых, помимо студенчества, участвовали и торгово-промышленная буржуазия, интеллигенция, рабочие, ремесленники и мелкие торговцы, распространяются на большинство крупных городов страны, начинаются антияпонские стачки студентов и купцов, бойкот японских товаров.

Вихрь событий увлек и Ли Дачжао. Уже 18 мая он публикует на страницах «Критического обозрения» статью «Тайная дипломатия и мир грабителей», в которой говорит о Версале как о сговоре крупнейших капиталистических держав, превративших весь современный мир в «мир разбойников», что и позволяет японским правящим кругам претендовать на особый статус в Китае. Особенно важно, что в этой работе Ли Дачжао провозглашает права каждой нации на самоопределение, заканчивая статью словами: «Покончить с миром грабителей! Не признавать тайной дипломатии! Добиться национального самоопределения!» Известную роль в факте появления последнего лозунга в политическом лексиконе Ли Дачжао сыграло то обстоятельство, что летом того же года он впервые встретился с представителем Советской России Н. Буртманом, который познакомил китайского демократа с ленинской работой «Империализм, как высшая стадия капитализма». Несомненно, что это во многом и определило антиимпериалистический пафос публицистики Ли Дачжао, который отличает его от других деятелей прогрессивного лагеря. Ведь с точки зрения большинства авторов, осуждения заслуживали лишь империалистические амбиции Германии и Японии, а державы Антанты, в первую очередь США, расценивались как носители непреходящих идеалов свободы и демократии. Ли Дачжао первым в Китае высказал мысль о захватнической природе всего капиталистического мира, лишь более завуалированной в одних случаях и откровенной в дру-

гих: «Вильсон! Не ты ли выступал против тайной дипломатии? Почему же шаньдунский вопрос решают, основываясь на лондонских тайных договорах... или исходя из секретных соглашений, заключенных между милитаристами..? Что дает такая мирная конференция? Вся твоя программа — стрельба вхолостую. Она лопнула, как мыльный пузырь».

Таким образом, был сделан еще один шаг на пути к марксизму-ленинизму. Хотя, надо сказать, что движение вперед, как это нередко случалось и прежде, сопровождалось известным топтанием на месте. Проявлялось это, в частности, в спорадических рецидивах анархистских настроений. В статье «Классовая борьба и взаимопомощь», написанной в июле 1919 г., Ли Дачжао предпринимает попытку достичь синтеза идей анархо-коммунизма П. А. Кропоткина с идеями К. Маркса, сочетать теорию взаимопомощи с теорией классовой борьбы. Говоря о классовой борьбе как неизбежном «пути ликвидации классового общества», Ли Дачжао связывает учение русского анархиста с перспективами нового общества, в котором «дух взаимопомощи уничтожит все зло и сделает невозможным его повторение». Подобные иллюзии обуславливались первоначальным, но, видимо, глубоко укоренившимся в сознании романтическим восприятием социализма как морального катехизиса, направленного прежде всего на духовное освобождение человечества путем реализации принципов «заботы о ближнем» и «всеобщей любви». Это подтверждают и размышления самого Ли Дачжао: «В основе социалистических учений всех направлений лежит мораль в чистом виде... Будь то утописты или сторонники научного социализма, все они... строили теории на базе этого общего закона — закона сотрудничества, дружбы, взаимопомощи, любви».

В период «движения 4 мая» 1919 г. внутри нового поколения китайских интеллектуалов уже совершенно отчетливо обозначился идейно-политический раскол. Причиной тому — назревшая необходимость окончательного выбора пути общественного развития. Замешанных в этом процессе теоретиков можно в широком плане разделить на четыре основные группы: часть руководителей и идеологов национальной партии — Гомиьндан (Сунь Ятсен, Ху Ханьминь, Дай Цзитао,

Чжу Чжисинь и др.); либералы-неотрадиционалисты, сторонники верхушечных реформ из Исследовательской группы (Лян Цичао, Чжан Цзюньмай, Чжан Дунсунь, Цзян Боли); буржуазно-либеральные деятели западной ориентации, адепты прагматизма и полной «вестернизации» Китая (Ху Ши, Чжан Шичжао, Гао Ихань, Тао Синчжи); наконец, наиболее радикально настроенные представители интеллигенции, будущие китайские сторонники марксизма (Чэнь Дусю, Ли Цзи, Ли Да, конечно Ли Дачжао и др.). Между этими группами, представлявшими различные идеологические течения, интересы различных слоев общества, давно уже подспудно велась идеологическая борьба, которая время от времени приобретала вполне осязаемые очертания, выплескиваясь на страницы периодических изданий в форме открытой полемики. Крушение привычных стереотипов, рост национального самосознания, революционные события в России, под влиянием которых академический интерес китайских радикалов к социализму начал перерастать во вполне сознательную пропаганду марксистских идей, — все это обусловило тот факт, что охранительно-консервативные, буржуазно-реформистские тенденции в мировоззрении теоретиков первых трех названных групп начинают брать верх над прогрессивными мотивами, свойственными им на предыдущих этапах исторического развития. Объяснялось это в целом неприятием социальной революции и стремлением избежать ее в будущем.

Как бы то ни было, идеологическая борьба обостряется. Одним из ее направлений становится ожесточенная дискуссия между сторонниками марксизма во главе с Ли Дачжао и «западниками» во главе с Ху Ши. Полемизируя о сугубо теоретических, казалось бы, вопросах, они на самом деле вели спор гораздо более широкого плана: о практических путях развития китайского общества. По оценке китайских авторов, «один из этих путей был революционным, другой — реформистским, один представлял интересы пролетариата, другой — интересы буржуазии, один был марксистский, другой — прагматистский».

Дискуссия началась летом и продолжалась всю вторую половину 1919 г. Импульсом послужило негативное отношение вернувшегося из Америки Ху Ши к марксистской направленности статей Ли Дачжао 1918 — на-

чала 1919 г. («Сравнение французской революции с русской», «Победа народа», «Победа большевизма», «Мое представление о марксизме» и др.). В июле 1919 г. в журнале «Критическое обозрение» появилась статья Ху Ши «Проблемы и «измы» (с подзаголовком «Больше изучать проблемы, меньше говорить об «измах»»), направленная прежде всего против пропаганды марксизма в Китае и взглядов Ли Дачжао. Ху Ши, говоривший о марксизме как об «импортированном», чужеродном учении, толковал его как узконациональную, «европеизированную» систему взглядов, применимую лишь в строго конкретных социально-исторических и даже географических условиях. Отсюда следовал вывод о безусловной неприменимости марксистской теории в Китае: «Вести высоколобые разговоры по поводу ввезенных из-за границы принципов совершенно бесполезно». Ли Дачжао ответил Ху Ши в статье «Еще раз о конкретных проблемах и «измах»», где подчеркивал, что строгое следование методам и принципам отнюдь не означает отказа от изучения конкретных социальных и экономических вопросов, Ху Ши отзывается статьей «В третий раз о проблемах и «измах» и дополнением к ней «В четвертый раз поговорим о проблемах и «измах»», в которых высказывается против насильственных революционных действий, видит альтернативу в постепенных, «разумных», достаточно ограниченных реформах и классовом сотрудничестве на основе национальной идеи. Философской основой его рассуждений служила вполне тривиальная модификация прагматического эмпиризма.

Ли Дачжао, утверждая, что «распространение большевизма... представляет собой величайший поворот в мировой культуре», критикует бытовавшее в то время понимание большевизма как «экстремизма», осуществляющего якобы «национализацию жен», убеждает своего оппонента и читательскую аудиторию в невозможности разрешения злободневных проблем китайского общества без классовой борьбы и «практического движения объединенных рабочих». Размышления Ли Дачжао свидетельствуют, что более подробное к тому времени знакомство с учением К. Маркса привело его к убеждению в верности тезиса об экономических факторах как определяющих все общественное развитие: «Когда решены экономические вопросы, можно решить»

любые политические вопросы, правовые вопросы, вопросы семьи, раскрепощения женщины, освобождения рабочих». Эта мысль получает у него развитие через полгода, в статье «Материальные изменения и моральные перемены» (декабрь 1919 г.), в которой он отвечает и некоторым «западникам», и «традиционалистам», и «неотрадиционалистам» — своим бывшим единомышленникам из Исследовательской группы. Дело в том, что большинство из них видело тесную связь между политической и социально-экономической жизнью китайского общества, с одной стороны, и культурой (в широком смысле) — с другой. Казалось бы, они правы, поскольку проблему выбора путей культурного развития действительно нельзя было решать в отрыве от проблем политических и социальных. Однако в их схеме подчиненный фактор (духовные, моральные изменения) занял место приоритетов: ведь именно материальное (в частности, уровень развития производительных сил общества) является тем главным фактором, от которого зависят перемены в политической и моральной сферах. Буржуазные же ученые настаивали, что реформа в Китае должна начинаться с области человеческих отношений и призвана сконструировать новую культуру, которая послужит основой формирования современных политической и экономической систем. «При новой культуре, — считали Лян Цичао и его ученик Чжан Цзюньмай, — со всей необходимостью произойдет политическая и экономическая перестройка; без нее же политическая и экономическая перестройка будут, как деревья без корней, как воды без источников». Иными словами, все или почти все стимулы, исходящие из экономической, политической, социальной сферы, неизбежно проходят, так сказать, сквозь фильтры ментальности и культуры и только потом в преобразованном (порой существенно) виде становятся пружинами социального интереса и поведения.

Отрицая эту идеалистическую по сути точку зрения, Ли Дачжао в статье «Материальные изменения и моральные перемены» отталкивается от материалистического учения Ч. Дарвина и марксистской методологии толкования социально-исторического развития, пишет, что любые перемены в духовной, нравственной сфере зависят от материальных экономических изменений и в конечном счете отдает безусловный приоритет экономи-

ке над политикой: «Вся политика и все принципы имеют своим истоком материальные, экономические явления».

Формально дискуссия завершилась в декабре 1919 г. публикацией статьи Ху Ши «О значении нового идейного подъема», в которой подводились некоторые итоги того этапа «чернильной войны», как в Китае принято было называть полемику на страницах газет и журналов. Но еще более серьезные «боевые действия» только назревали. Дискуссия была продолжена в ближайшие же годы и вылилась уже в действительно ожесточенную идеологическую борьбу между революционной, марксистской мыслью и различными буржуазными концепциями, многообразными модификациями национал-реформистской идеологии, которые все так или иначе подразумевали капиталистическую перспективу Китая. Иными словами, начиная с периода «движения 4 мая» соперничество социалистических и капиталистических тенденций становится лейтмотивом идейной жизни страны.

Ли Дачжао продолжает уделять большое внимание пропаганде марксистских взглядов, разъяснению их роли в строительстве нового общества. Он посвящает этому статьи «Октябрьская революция и китайский народ», «Парижская коммуна 1871 г.», «Значение материалистического взгляда на историю для современной исторической науки» и другие. Именно в это время, если точно — в июле 1919 г., Ли Дачжао открыто заявляет о своей приверженности социалистическим идеалам, а с начала 1920 г. выступает уже как последовательный сторонник исторического материализма. Тенденция оказалась закономерностью, увлечение становится убеждением. В 1920 г. процесс этот находит отражение в создании целой серии статей, посвященных историческому материализму: «Философия истории Маркса», «Экономическое объяснение идеологических поворотов в современном Китае», «Взгляд на историю», «Материальное отражение первобытного общества в письменности и документах» и другие.

Организатор и вожак молодежи

С начала 20-х гг. публицистическая деятельность Ли Дачжао в известной степени отходит на второй план, уступив место практической, организационной ра-

боте. Впрочем, его вообще нельзя назвать кабинетным руководителем. Он был в авангарде не только идеологической борьбы, но и массового революционного движения. Его можно было заметить в рядах демонстрантов 4 мая 1919 г. как представителя преподавательского корпуса Пекинского университета; он становится одним из инициаторов массового протеста против репрессий, против подавления северными милитаристами патриотических антияпонских выступлений, организует «Федерацию профессоров и преподавателей Пекина» («Бэйцзин цзяочжиюань лянхэхуэй»), поставившей своей целью борьбу против ареста 32 задержанных в ходе демонстрации 4 мая студентов, сам принимает участие в пикетировании здания правительства, требуя их немедленного освобождения.

Помимо составления и редактирования майского выпуска журнала «Новая молодежь» за 1919 г., целиком посвященного марксизму, Ли Дачжао 1 мая того же года публикует в приложении к газете «Утро» заметку о годовщине 1 мая, подчеркивает его непосредственную связь с практическими действиями рабочего класса за свои права и интересы. По словам Ли Дачжао, именно после выхода данного номера газеты «Утро» простые китайцы «в общих чертах познакомились со значением этой годовщины». Во многом благодаря пропагандистской и организаторской работе Ли Дачжао уже 1 мая следующего года прогрессивная интеллигенция, пролетариат и студенчество ряда крупных городов Китая отмечали Международный день солидарности трудящихся. Под руководством Ли Дачжао и его ученика, впоследствии одного из лидеров рабочего движения в Китае Дэн Чжунся, пекинские студенты провели митинг и распространяли листовки в ходе агитационных поездок по городу. Некоторые периодические издания поместили на своих страницах материалы о годовщине движения, а редколлегия журнала «Новая молодежь» подготовила к выпуску специальный номер под общим заголовком «Труд — святое дело», иллюстрированный фотографиями скульптурных композиций О. Родэна, символизирующими труд. Журнал впервые знакомил читателей с положением трудящихся Пекина, Шанхая, Тяньцзиня, Чанша и других городов и провинций Китая, содержал информацию о жизни китайских рабочих в Париже, стачках в Гонконге и т. п.

Здесь же была помещена пространная статья Ли Дачжао «История движения «1 мая»», в которой подробно говорилось о сущности и значении этой даты. Автор писал, что «в нынешнем году, помимо журнала «Новая молодежь», во всеуслышанье приветствовавшего «1 мая», появилось немало и других изданий, которые в унисон с нашим журналом отметили эту годовщину, так что покончено с прежним замалчиванием и одиночеством». Тем не менее, отмечает Ли Дачжао, «и по сей день годовщина «1 мая» для китайцев по-прежнему еще не праздник трудящихся и рабочих всего общества, а всего лишь годовщина, отмечаемая редакциями нескольких газет; движение «1 мая» для китайцев по-прежнему еще не движение всего класса трудящихся и рабочих, а движение трех-пяти литераторов; не массовое движение, разворачивающееся на городских улицах, а всего лишь движение их кисточек с тушью на бумаге. Это первое, о чем мы сожалеем!». Ли Дачжао пишет о необходимости 8-часового рабочего дня и 48-часовой рабочей недели и заканчивает статью призывами к непосредственной борьбе за реализацию провозглашенных лозунгов: «Вставайте! Вставайте!! Вставайте!!! Изнуренные непосильным трудом рабочие люди! Сегодня настал день вашего пробуждения!»

Таким образом, события «движения 4 мая» укрепили надежду Ли Дачжао на возможность возрождения Китая уже в новом качестве — как вполне современного государства. Эта надежда все четче и четче облекалась у него в уверенность в выполнении этой задачи путем «хирургического вмешательства», прежде всего силами молодежи. Именно демонстрации студентов и молодых представителей других слоев городского населения убедили его, что организационные формы борьбы являются ключом к эффективным политическим акциям в Китае. Вместе с тем собственная убежденность в действенности марксистской теории приводит его к мысли о том, что дальнейшее изучение марксизма должно быть продолжено и расширено в спонтанно возникавших группах студентов и объединениях молодых интеллектуалов до того, как развернется уже действительно широкая работа по политической организации. Его кабинет в библиотеке Пекинского университета, работу которой он по-прежнему возглавлял, становится центром нелегальных встреч молодых китайских рево-

люционеров, местом импровизированных собраний и митингов студенческих лидеров. На них Ли Дачжао и некоторые другие представители прогрессивной профессуры знакомят студентов с марксистской литературой, историей европейского рабочего движения, обсуждают с молодежью пути и методы развития массового революционного движения в Китае. Способности Ли Дачжао как организатора, его авторитет и популярность в студенческой среде, являвшиеся прямым следствием тесных личных контактов с молодежью, желанием и готовностью непосредственно участвовать в ее деятельности, — все это приводит к заметному росту создаваемых Ли Дачжао студенческих объединений. Ли Дачжао всегда с вниманием и сочувствием прислушивался к личным проблемам студентов: он, например, приложил немало усилий, чтобы помочь оказавшемуся в стесненных обстоятельствах молодому радикалу Мао Цзэ-дуну и выхлопотал ему место служащего в университетской библиотеке. Известный китайский драматург Тянь Хань в статье «Октябрьская революция, какой я ее узнал» (1957 г.) вспоминает, что когда он под впечатлением революционных событий в России опубликовал работу «Экономические причины русской революции», она привлекла внимание друга дома Ли Дачжао, который доброжелательным письмом поддержал молодого автора.

Итак, Ли Дачжао, не отказываясь в принципе от изучения и пропаганды марксизма, теперь подчиняет свою деятельность в основном задачам политической организации, формированию первых марксистских объединений в Китае. Отчасти поэтому, видимо, он не принимал деятельного участия в острой и ширококомасштабной полемике с китайскими адептами гильдейского социализма (Чжан Дунсунь, Лян Цичао и др.) и анархистами, которая занимала умы многих китайцев на рубеже 20-х гг.

Повышенное внимание к практической консолидации крайне немногочисленных тогда марксистских сил не в последнюю очередь объясняется влиянием Чэнь Дусю, который перед своим переездом в Шанхай осенью 1919 г. настойчиво убеждал Ли Дачжао в необходимости активизации организационных форм работы. Не меньшее, если не большее, значение имело то обстоятельство, что, когда в начале 1920 г. Дальневосточный

секретариат ИККИ направил свою делегацию (в составе Г. Н. Войтинского, И. К. Мамаева, М. Ф. Кузнецовой и Ян Минчжая) в Китай, Ли Дачжао познакомился с главой делегации Г. Н. Войтинским. После нескольких частных встреч и бесед представитель Коминтерна с рекомендательным письмом Ли Дачжао отправился в Шанхай для встречи с Чэнь Дусю. Здесь в мае того же года и была сформирована группа из семи интеллектуалов, получившая условное наименование Шанхайское общество изучения социализма (Шанхай шэхуэйчжун яньцзюхуэй) и поставившая своей целью создание компартии в Китае. В ближайшие месяцы аналогичные объединения были сформированы в Гуанчжоу, Ухане, Чанша, Цзинани, в Токио и Париже. Они зачастую именовались «коммунистическими кружками», хотя термин «коммунистические» отражает скорее тенденцию, нежели реальное положение дел и может быть применен лишь условно. Дело в том, что подобные группы на том этапе объединили разнородные по своей идеологической ориентации силы, в них входили и гильдейские социалисты, и гоминьдановцы, и анархисты, и сторонники марксизма; именно такой диапазон идейных течений был полностью представлен, например, в первом «коммунистическом кружке», созданном Чэнь Дусю в Шанхае (просуществовал он, кстати, в своем первоначальном составе очень недолго). Сказанное в полной мере относится и к объединению, которое вскоре было сформировано под руководством Ли Дачжао в Пекине.

В сентябре 1920 г. один из студентов Ли Дачжао, впоследствии известный деятель КПК Чжан Готао, возвращается из поездки в Шанхай с информацией о планах Чэнь Дусю относительно развертывания подпольной деятельности коммунистических групп в крупнейших городах Китая. Этот шаг рассматривался как начало подготовительной работы к официальному созданию китайской компартии. Следуя рекомендациям Чэнь Дусю (а в его лице — и представителей Коминтерна), Ли Дачжао вместе с Чжан Готао и Чжан Шэньфу создает в октябре коммунистическую группу в Пекине. Из девяти ее членов пятеро были анархистами, с которыми буквально с первого дня совместной деятельности начинают возникать принципиальные разногласия: сторонники анархизма отказывались, в частности, утвердить Ли Дачжао в качестве секретаря группы и

настаивали на его статусе как координатора. Однако мотивы, объединявшие этих людей, были, по крайней мере в то время, сильнее: цементирующим фактором стало стремление к активным революционным действиям, интерес к марксизму и «опыту русских». Все члены группы сходились на мысли о необходимости формирования политической партии. Прошло несколько месяцев, и группа была переименована в Пекинское отделение Коммунистической партии Китая; секретарем отделения и соредактором его печатного органа — еженедельника «Голос труда» («Лаодун инь») стал Ли Дачжао. В соответствии с программой Чэнь Дусю было создано и пекинское отделение Социалистического союза молодежи как центра воспитания кадров будущей полновесной партии.

Несмотря на неоднородность социального состава и различия, порой более чем существенные, в идейно-политической ориентации членов первых коммунистических групп в Китае, создание этих объединений ознаменовало собой начало организованного коммунистического движения в стране. Именно на базе таких интеллигентских, пусть разнородных по составу и преимущественно пропагандистских, но поставивших своей целью кардинальную переделку общества групп и была в итоге создана Коммунистическая партия Китая.

Репутация Ли Дачжао как пропагандиста и сторонника насильственных революционных методов преобразования общества, его высокий личный авторитет в студенческой среде — все это позволяло ему, действуя в молодежных демократических организациях, обратить интерес многих студентов к марксизму, к вопросам создания коммунистической организации, к проблемам рабочего движения и пропагандистской работы в массах. Зимой 1920—1921 гг. ему удается сплотить группу студентов, в которой выделялись Чжан Готао и Дэн Чжунся; во главе своих учеников и единомышленников Ли Дачжао начинает практическую работу среди железнодорожников Северного Китая. С начала 1921 г. он регулярно выезжает на станцию Чансиньдянь Пекин-Ханькоуской железной дороги, где выступает с лекциями перед рабочими и служащими первого в стране профсоюза железнодорожников, созданного незадолго до этого по инициативе Дэн Чжунся и при участии самого Ли Дачжао.

Не будет, видимо, преувеличением утверждать, что к 1921 г. Ли Дачжао избавляется от либеральных иллюзий, в основном преодолевает наивные революционно-демократические взгляды и переходит на марксистские позиции. Ошибки и промахи, конечно, были и еще будут. Ведь это были только первые шаги на пути пропаганды марксизма-ленинизма и организационного оформления коммунистического движения в Китае. Достаточно откровенно тогдашнюю ситуацию обрисовал Цюй Цюбо: «Все мы испытывали безграничный интерес к дискуссиям по вопросам социализма. Однако во многом наши идеи напоминали взгляды русской молодежи 40-х годов XIX в. Наши представления о социалистических течениях, о сути социализма были весьма путанными и туманными».

Но общая марксистская тенденция в мировоззрении и практической деятельности Ли Дачжао обозначена теперь уже совершенно отчетливо. Достаточно высокий уровень образованности, философский склад ума и задатки политического лидера позволили Ли Дачжао глубже многих своих современников понять сущность марксизма. Влияние русской революции, саморазоблачение Антанты на Парижской мирной конференции, участие в острых идеологических спорах тех лет, практическая организаторская деятельность — все это предопределило сочувствие Ли Дачжао к решительным действиям, к революционному насилию, заставило его порвать с теми участниками «движения за новую культуру» и «движения 4 мая», которые оставались в границах либерального краснословия и отрицали необходимость радикальной ломки существующих общественных отношений. Говоря словами того же Цюй Цюбо, в период «движения 4 мая» на рубеже 20-х гг. «острая боль империалистической эксплуатации привела китайцев к пробуждению от пустых демократических снов».

ПУТЬ НАЙДЕН

На рубеже 20-х гг. из Японии в Китай проникают первые сведения о ленинизме, в том числе о ленинских методах создания партии. В начале 1921 г. Ли Дачжао знакомится с переводом Программы РКП(б) и приходит к заключению о назревшей необходимости полити-

ческого оформления коммунистического движения в Китае, к мысли о создании самостоятельной в идеологическом и организационном отношении революционной политической организации. Эти идеи были им изложены на страницах журнала «Книжное обозрение» («Шугуань») в марте того же года. Он пишет первую на китайском языке подробную биографию В. И. Ленина, в которой называет 19 важнейших его произведений, подчеркивает необходимость подробного изучения ленинских идей под углом зрения их возможного применения на китайской почве. Ли Дачжао отнюдь не исключает и необходимости продолжать собственное марксистское образование: он с сожалением констатирует, что сам к тому времени успел прочесть лишь несколько англоязычных переводов ленинских работ. Биографическую работу о Ленине Ли Дачжао посвятил учредительному съезду Китайской компартии.

Пропагандистская и организаторская работа Ли Дачжао и других сторонников марксизма стала тем необходимым фундаментом, на котором должно было быть возведено здание полновесной политической партии в общепринятом значении слова.

1 съезд Коммунистической партии Китая состоялся нелегально в июле 1921 г. в Шанхае. Присутствовало всего 13 делегатов, которые представляли немногим более 60 человек от 7 коммунистических групп. Были обсуждены организационные вопросы и проект партийной программы, составленный Чэнь Дусю. Хотя сам автор проекта, как, впрочем, и Ли Дачжао, не смог принять непосредственного участия в работе съезда: его ходом руководили представитель Коминтерна Г. Маринг, Чжан Готао и Ли Да. Генеральным секретарем партии был заочно избран Чэнь Дусю, во временное бюро вошли также Чжан Готао и Ли Да.

Борьба за единый фронт

Трудно переоценить вклад Ли Дачжао в процесс координации действий гоминьдана и компартии, в формирование национального единого фронта в Китае. Г. Маринг, приехавший в Пекин зимой 1921 г., познакомил Ли Дачжао с рекомендацией Коминтерна о сотрудничестве с национальной буржуазией, обсуждал с ним практические методы создания единого фронта. Вместе

они искали возможности завоевать доверие лидера китайского революционно-демократического движения Сунь Ятсена, руководителя Национальной партии — гоминьдана. Благодаря тесным личным контактам с тогдашним ректором Пекинского университета, в прошлом соратником Сунь Ятсена по «Объединенному союзу» («Тунмэнхуэй») Цай Юаньпэем, Ли Дачжао удается организовать встречу Маринга с этим прогрессивно настроенным профессором. В ходе беседы представитель Коминтерна и Ли Дачжао убеждают Цай Юаньпэя познакомить Сунь Ятсена с директивой ИККИ о создании антиимпериалистического фронта в Китае на основе сотрудничества гоминьдана и КПК. Попытка установить контакт с лидером гоминьдана увенчалась успехом: через некоторое время Маринг встретился с Сунь Ятсеном в г. Гуйлине. Был сделан первый, но немаловажный шаг на пути создания коалиции антиимпериалистических, антифеодальных сил.

10 июня 1922 г. было опубликовано «Заявление Коммунистической партии Китая о положении в стране». Проект Заявления был составлен Чэнь Дусю, согласован с Ли Дачжао как руководителем пекинской партийной организации и утвержден ЦК КПК. Фактически это явилось первой попыткой создания программы-минимума партии. В документе впервые был сформулирован лозунг создания национального единого фронта, который конкретизировался в предложении о созыве конференции всех демократических и социалистических партий и группировок, прежде всего гоминьдана и компартии, для выработки общей политической платформы антиимпериалистической и антимилитаристской программы действий.

Через месяц после публикации Заявления, 10 июля 1922 г., в Шанхае состоялся II съезд КПК. Ли Дачжао приехал в Шанхай, когда съезд уже завершал работу. Но он вошел в состав ЦК партии. С этого момента и вплоть до своей гибели в 1927 г. Ли Дачжао неизменно избирается в члены ЦК КПК, бессменно руководит работой партийных организаций Северного Китая, являясь секретарем Северного бюро КПК.

На II съезде КПК между делегатами возникли острые дебаты по вопросу о форме сотрудничества компартии и гоминьдана. Проблема решена не была, дискуссии продолжались и после съезда. Для разреше-

ния этого и других не менее острых вопросов (укрепления партийной дисциплины, преодоления анархистских тенденций, ликвидации заговорщических методов деятельности) в августе был создан специальный пленум ЦК КПК, ставший известным как «совещание у озера Сиху» под г. Ханьчжоу. Г. Маринг предложил обсудить вопрос о вхождении коммунистов в гоминьдан в индивидуальном порядке при сохранении организационно-политической самостоятельности КПК. Предложение это поначалу встретило решительную оппозицию всех членов ЦК, кроме Ли Дачжао. По свидетельству Чжан Готао, он не только поддержал представителя Коминтерна, но и помог тому склонить Генерального секретаря партии Чэнь Дусю принять обсуждавшееся предложение.

На совещании Ли Дачжао высказал мысль о возможности расширить принцип сотрудничества до включения в единый фронт сил У Пэйфу — главаря одной из северных милитаристских сограпий, который, одержав победу над фэнтяньской милитаристской кликой Чжан Цзолия, развернул во многом демагогическую демократическую кампанию (восстановил парламент 1913 г., опубликовал постоянную конституцию и т. п.), завоевал репутацию «демократического» маршала и пользовался в то время популярностью и доверием либеральных друзей Ли Дачжао в Пекине.

Тактика Ли Дачжао в отношении сотрудничества с милитаристом У Пэйфу представляет собой любопытный образец гибкого использования легальных форм и методов работы. Она сводилась к игре на противоречиях между чжилийской кликой милитаристов (У Пэйфу, Цао Кунь) и так называемой кликой коммуникаций (Лян Ши, Е Гунчао), подрывая тем самым влияние последней среди железнодорожников, что было главным препятствием развития рабочего движения на железных дорогах. Пользуясь дружбой со своим однокурсником по Бэйянскому политико-юридическому училищу Бо Цзяньу, ставшего к тому времени начальником политуправления войск У Пэйфу, Ли Дачжао завоевывает доверие этого милитариста и убеждает его назначить на должности секретных ревизоров шести железнодорожных линий несколько человек, рекомендованных самим Ли Дачжао. В результате на этих магистралях начинают действовать шесть коммунистов, облеченных

большими полномочиями и использовавшими их для нелегальной работы среди железнодорожников.

Однако сотрудничество коммуниста Ли Дачжао с милитаристом У Пэйфу не могло не быть временным. В феврале 1923 г. при самой непосредственной и активной организующей роли Ли Дачжао и других коммунистов на станции Чансиндянь Пекин-Ханькоуской железной дороги начинается забастовка железнодорожников Северного Китая, в результате которой финансовые доходы У Пэйфу сократились на 800 тысяч юаней в год. В ответ У Пэйфу создает собственную штрейкбрехерскую организацию «Общество дружбы рабочих и служащих» и «военно-учебные бригады», обучавшие солдат управлению локомотивами. Все это стало прелюдией к кровавым событиям 7 февраля, когда забастовочное движение было жестоко подавлено, 23 рабочих расстреляны, а Ли Дачжао вынужден был бежать на юг страны.

Репрессии положили конец всем контактам КПК с подчиненными У Пэйфу. Раз и навсегда было покончено с попытками сотрудничать в рамках единого фронта с милитаристами чжилийской клики. События февраля 1923 г. укрепили решимость Ли Дачжао и других лидеров КПК работать в тесном контакте исключительно с гоминьданом. Анализу причин поражения забастовки, ее места и роли в развитии революционного движения в стране посвящены статьи Ли Дачжао «Памяти Ленина и погибших 7 февраля» (февраль 1924 г.) и «Почему У Пэйфу подавил рабочее движение на Пекин-Ханькоуской железной дороге?» (февраль 1925 г.).

Со времени совещания у озера Сиху Ли Дачжао суждено было на протяжении нескольких лет играть активную и весьма заметную роль в деле установления и стабилизации сотрудничества между гоминьданом и КПК. Сразу после совещания он отправляется в Шанхай на встречу с Сунь Ятсеном, который 13 августа 1922 г. прибыл сюда из Гуанчжоу. Ли Дачжао употребляет все свое красноречие, убеждая лидера гоминьдана согласиться на действенное сотрудничество с китайскими и советскими коммунистами. Он разъясняет политическую платформу компартии, излагает идею единого фронта и план реорганизации гоминьдана с участием коммунистов, перспективу превращения его в боеспособную революционную партию, способную руководить массовым антиимпериалистическим движением. Сунь

Ятсен выражает согласие с планом создания единого фронта, и спустя несколько дней под его председательством состоялась церемония принятия присяги по случаю вступления в члены гоминьдана (на индивидуальной основе) нескольких руководителей КПК: первым принял присягу Ли Дачжао, за ним — Чэнь Дусю, Цай Хэсэнь, Чжан Тайлэй, а вскоре и Чжан Готао. Этим шагом они подали личный пример реализации идеи единого фронта. Кроме того, Ли Дачжао, следуя директивам Коминтерна, в публикациях «Распространить влияние гоминьдана на весь Китай», «Октябрьская революция и китайский народ» (ноябрь 1922 г.) и других статьях, призывает к вступлению членов КПК в гоминьдан, пропагандирует создание единого фронта не только в Китае, но и других колониальных и полуколониальных странах. Определенную, хотя и не афишированную роль сыграл Ли Дачжао в подписании известного коммюнике Сунь Ятсена — Иоффе в январе 1923 г. Перед встречей с Сунь Ятсеном советский представитель А. А. Иоффе, прибывший в Китай в августе 1922 г., имел неоднократные встречи и консультации с Ли Дачжао в Пекине. Это в известной мере облегчило ведение переговоров. Сунь Ятсен начинает подготовку к реорганизации гоминьдана. Помогают ему в этом представитель Коминтерна политический советник ЦИК гоминьдана М. М. Бородин, Ли Дачжао и другие коммунисты (Цюй Цюбо, Чжан Тайлэй).

Весной 1923 г. Сунь Ятсен возглавил правительство в Гуанчжоу, что дало КПК возможность действовать легально на юге Китая. ЦК КПК переезжает в Гуанчжоу, где в июне проходит III съезд партии, в котором Ли Дачжао принимает непосредственное участие, решительно поддерживая директиву-резолюцию Исполкома Коминтерна от 12 января 1923 г. «Об отношениях КПК с партией гоминьдан». Благодаря усилиям Ли Дачжао и Чэнь Дусю, съезд санкционирует вступление членов КПК в гоминьдан, который в резолюции Коминтерна был признан «единственной серьезной национально-революционной группировкой в Китае, где независимое рабочее движение еще слабо».

Пропагандист и интерпретатор марксизма

Несмотря на загруженность организационной партийной работой, Ли Дачжао и после создания КПК не

оставляет академических занятий и теоретической деятельности. Осенью 1922 г. он возвращается к своим преподавательским обязанностям в Пекинском университете. С помощью Дэн Чжунся и других членов Северного бюро КПК, он возобновляет свои усилия по стимулированию интереса к марксизму-ленинизму среди студентов различных вузов Пекина. В их числе оказалась, например, и Монголо-Тибетская школа, где Ли Дачжао познакомил с марксистской теорией представителей нацменьшинств, среди которых был, в частности, Уланьфу, ставший впоследствии крупным деятелем КПК и активным участником создания Народно-революционной партии Внутренней Монголии.

Примерно в это же время Ли Дачжао уделяет пристальное внимание изучению и осмыслению проблем демократии и политической власти при социализме. Правда, мысль о необходимости диктатуры пролетариата была им высказана еще в марте 1921 г. в статье «Производство при социализме» и получила развитие в конце того же года в работе «От демократии к власти рабочих». Теперь, в июле 1922 г., он публикует статью «Демократия и власть рабочих», в которой уже вполне четко формулирует идею диктатуры пролетариата, комментирует слова Ленина о необходимости отличать буржуазную демократию от пролетарской. В начале 1923 г. Ли Дачжао вновь возвращается к теории диктатуры пролетариата, акцентируя внимание на вопросах эргатократии (т. е. власти рабочего класса) и пролетарской диктатуры, которую теперь непосредственно связывает с преобразованием общества путем насильственного захвата власти пролетариатом.

В целом можно говорить о значительном вкладе Ли Дачжао в развитие марксистской мысли Китая. Он впервые затронул многие теоретические и практические вопросы, связанные с будущим страны. Нельзя не отметить сделанный им шаг вперед в анализе методологических проблем исторической науки, прежде всего теории исторического процесса. Он посвящает этому информационно-аналитические работы «Взгляд на историю Сен-Симона» (август 1923 г.), «Взгляд на историю Кондорсе» (декабрь 1923 г.), «Время», «Современность и древность», «Задачи изучения истории» (ноябрь 1923 г.), «Современная историческая наука и ее воздействие на мировоззрение человека» (май 1924 г.) и

другие. Эти статьи говорят об эрудированности автора, его отказе от идеалистической трактовки историко-философской науки. Показательна в этом плане работа «Место Сунь Ятсена в истории китайской национальной революции» (март 1926 г.), в которой Ли Дачжао стремится опровергнуть бытовавшее среди его современников мнение о героической личности как вершителе исторических судеб.

Тезис о необходимости революционного насилия, трактовка исторического процесса как движения по спирали — все это вехи на пути идейной эволюции Ли Дачжао.

В теоретическом наследии Ли Дачжао выделяется и лекция «О социализме», с которой он выступил в Шанхайском университете в день шестой годовщины Октябрьской революции. Один из очевидцев, присутствовавший на лекции, Тин Шэн, вспоминает: «На кафедру поднялся человек среднего роста, с усами и в очках, с виду сельский учитель, в сером хлопчатобумажном халате... Спокойным голосом он разъяснял суть научного социализма, о котором тогда еще не имели правильного представления, разъяснял политику Советской России... Он указывал, что «подлинная свобода может быть только там, где есть экономическая свобода»... подробно остановился на экономических, культурных успехах Советского Союза, на трудовом энтузиазме рабочих, крестьян и интеллигенции...» Далее Ли Дачжао вновь обращает внимание аудитории на то, что с точки зрения марксизма мирный путь к власти неизбежно терпит поражение; альтернатива ему — путь решительных действий, который «означает насильственный захват пролетариатом политической власти». «После примерно часовой речи, — продолжает свой рассказ Тин Шэн, — Ли Дачжао ответил на множество вопросов. Несмотря на разношерстный состав аудитории, его слушали с исключительным вниманием. По окончании лекции Ли Дачжао непринужденно беседовал с окружившими его студентами, которые долго не отпускали почтенного ученого, известного революционера и вместе с тем простого, обаятельного человека».

Вместе с Сунь Ятсеном

Период 1924—1927 гг. в новейшей истории Китая богат различными перипетиями во внутривластной

жизни страны, молниеносно сменявшимися друг друга революционными и контрреволюционными катаклизмами. Среди этих событий можно выделить урегулирование китайско-советских отношений, что нашло завершение в подписании 31 мая 1924 г. соответствующего соглашения, упрочение позиций правительства Сунь Ятсена (после такого принципиально важного факта, как образование единого национального фронта гоминьдана и КПК) и т. п. Однако, с другой стороны, этот период китайской истории характеризовался ростом сепаратистских и полицентристских тенденций, усилением политической децентрализации страны. Возрастание центробежных течений в общественно-политической жизни нашло конкретное воплощение в путче корпуса купеческой милиции в Гуанчжоу против Сунь Ятсена, известного как мятеж «бумажных тигров» (октябрь 1924 г.), в государственном перевороте генерала Фэн Юйсяна (октябрь 1924 г.) и создании «национальных армий», в постоянных милитаристских междоусобицах, sporадической активизации реакционных сил внутри и вне гоминьдана, в некоторых ошибках руководства КПК (в лице Чэнь Дусю, Цай Хэсеня и др.), что выразилось в требовании выхода коммунистов из гоминьдана, и т. п. Тем не менее можно сказать, что в целом в Китае наблюдался революционный подъем, кульминацией которого стала широкомасштабная революция 1925—1927 гг., проходившая под лозунгами восстановления национального суверенитета и политического объединения страны.

В ноябре 1923 г. шла подготовка к проведению I съезда гоминьдана, на котором предполагалось осуществить реорганизацию партии. Ли Дачжао принимает активное участие в подготовке и проведении съезда, в частности в составлении манифеста, помогает Сунь Ятсену в выработке программы и нового устава партии. В начале января 1924 г. Ли Дачжао вместе с двумя другими профессорами Пекинского университета приезжает на место проведения съезда, в Гуанчжоу. Он избирается членом президиума съезда, председательствует на одном из заседаний, участвует в работе комиссии по редактированию манифеста, комиссии пропаганды и публикации документов съезда. Сунь Ятсен ценил помощь и советы Ли Дачжао. Подчеркивая значение содружества гоминьдана и компартии, Сунь Ятсен, по

свидетельству очевидцев, при торжественном вступлении делегации в зал заседаний шел в первом ряду вместе с Ли Дачжао. Это видно и на сохранившейся до нашего времени фотографии.

На съезде Ли Дачжао выступил с речью, в которой убедительно говорил о том, что вступил в гоминьдановцев не для того, чтобы заниматься закулисными махинациями и превратить его в компартию. Цель иная: стать соратником гоминьдана в осуществлении дела национальной революции, руководствуясь при этом принципами гоминьдана, но сохраняя организационно-политическую самостоятельность КПК. Об этом же говорилось и в его статье «Национальная революция и гоминьдан» (1924 г.). Иными словами, Ли Дачжао, прислушиваясь к директивам Коминтерна, считал, что крайне малочисленная компартия нуждается в союзниках из числа массовых демократических организаций; крупнейшей и наиболее влиятельной из них был гоминьдан, и с этой реальией приходилось считаться.

На съезде Ли Дачжао и два других коммуниста (Тань Пиншань и Юй Шудэ) были избраны в число 24 членов ЦИК реорганизованного гоминьдана. На закрытии съезда 30 января Ли Дачжао был также избран одним из шести членов ЦИК пекинского отделения гоминьдана.

Во время работы в президиум съезда поступило известие о смерти В. И. Ленина. Сунь Ятсен произнес траурную речь. В свою очередь Ли Дачжао и М. М. Бородин выступили на траурном митинге в Гуанчжоу, посвященном памяти Ленина и 23 расстрелянных 7 февраля 1923 г. железнодорожных рабочих. Ли Дачжао произнес речь и на траурном митинге в Центральном парке Пекина 30 марта 1924 г. Текст выступления был опубликован под заголовком «Ленин бессмертен».

В Советском Союзе

Весной 1924 г. Ли Дачжао уезжает в Москву в качестве руководителя китайской делегации на V Всемирном конгрессе Коминтерна. Эта поездка много значила для него. Ведь он никогда не был сторонним наблюдателем событий в России. Напротив. Он следил за ними самым заинтересованным взглядом. В конечном счете именно «путь русских» и помог ему найти ответ на вопрос о перспективе развития Китая. Перед отъездом

в СССР Ли Дачжао говорил: «Теоретический уровень нашей партии, к сожалению, не удовлетворяет тем политическим потребностям, которые ставит перед нашей партией революционная борьба. Вот я и еду в Москву не столько в качестве делегата партии, сколько в качестве ученика, чтобы получить нужный опыт у русских революционеров и затем использовать его у нас, в Китае, применительно к нашим условиям». Эти слова стали девизом его пребывания в СССР.

В течение нескольких месяцев Ли Дачжао, приехавший в СССР под псевдонимом Ли Циньхуа, имел возможность знакомиться с жизнью Советской России, деятельностью РКП(б), осмотреть достопримечательности Москвы и Ленинграда, воочию убедиться в солидарности советского народа с борьбой народа его страны: «К Зимнему, — вспоминал Ли Дачжао, — мы подъехали, когда половина демонстрантов уже прошла. Чьи-то руки подхватили нас, подняли на трибуну, тысячи голосов вокруг кричали: «Да здравствует китайская революция!»» Памятным встречам Ли Дачжао посвятил статью «Народы Советской России поддерживают китайскую революцию» (сентябрь 1924 г.).

Ли Дачжао представил на конгресс письменный доклад «Национальная и социальная борьба в Китае», 18 сентября в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской сделал доклад «Соперничество империалистов в Китае и гражданская война», 22 сентября выступил с речью на интернациональном митинге в Большом театре, в которой подчеркивал, что «китайский вопрос не есть вопрос чисто национальный — это вопрос международный» и с удовлетворением отмечал создание в СССР общества «Руки прочь от Китая!», выступавшего против вмешательства британских правящих кругов во внутренние дела страны. Кроме того, 13 сентября в газете «Рабочая Москва» было помещено интервью с Ли Дачжао, а в журнале «Красный интернационал профсоюзов» опубликована его статья под заголовком «Гражданская война в Китае и рабочий класс».

Вне закона

Вернувшись в Китай в октябре 1924 г., Ли Дачжао вновь посвящает себя участию в политической борьбе. Однако обстановка становится все более напряженной,

усугубляется репрессивный характер власти У Пэйфу. Не забыв роли Ли Дачжао в забастовочном движении железнодорожных рабочих в феврале 1923 г. и обеспокоенный активной оппозиционной деятельностью Ли Дачжао, У Пэйфу приходит к мысли о необходимости избавиться от него. Последней каплей стал донос одного из коллег Ли Дачжао по Пекинскому университету, в котором говорилось, что тот «имеет тесную связь с русским послом Караханом», является приверженцем Сунь Ятсена, «активно выступает против президента и Вас — маршала», что он «лидер компартии, и если не подвергнуть его немедленно наказанию, может случиться большая беда». Солдаты У Пэйфу развешивают приказы об аресте Ли Дачжао, и тот вынужден несколько дней скрываться в безлюдном месте, в одиноком буддистском храме на холмах Чанли, неподалеку от своих родных мест. Однако вскоре он был приглашен на ужин к послу Л. М. Карахану и при выходе из советского посольства арестован людьми У Пэйфу.

В портфеле Ли Дачжао, отобранном на месте, агенты обнаруживают тексты его лекций по политэкономии, наброски статей для газет и журналов, в том числе работу «Подлинное лицо дружественной политики держав по отношению к Китаю» и проект воззвания «Социалистической лиги». Допрашивает его сам начальник секретной службы Лю Чжэньдун. Ли Дачжао держится на допросах с достоинством, весьма аргументированно и находчиво отвергая обвинения. Авторитет и популярность Ли Дачжао как ученого и политического деятеля заставили секретную службу, опасавшуюся общественного возмущения, вскоре освободить его. Возможны и другие объяснения. Вероятнее всего, Лю Чжэньдун, предвидя близкое военное поражение своего хозяина (а предпосылок для этого было более чем достаточно), решил проявить дальновидность и не «портить отношения» с одним из лидеров оппозиции. Лю Чжэньдун оказался прав: в октябре 1924 г. армия генерала Фэн Юйсяна вытеснила из Пекина чжиллийских милитаристов У Пэйфу и Цао Куня. Власть в Северном Китае перешла в руки другого «генерал-губернатора» — маршала Чжан Цзолия, который назначил «временным главным правителем» милитариста Дуань Цижуя. Фэнтяньская милитаристская клика, которую они представляли, была известна своей прояпонской ориентацией.

Сразу после поражения У Пэйфу Ли Дачжао возвращается в Пекинский университет. Однако его положение остается шатким. Чжан Цзолинь был ничуть не лучше У Пэйфу, и Ли Дачжао приходится все время действовать с оглядкой, нелегальные формы работы преобладают.

В это время он оказывает помощь Сунь Ятсену в подготовительной работе по созыву Национального собрания. В декабре 1924 г. Сунь Ятсен, проделав кружной путь (через Шанхай, Японию и Тяньцзинь), прибывает в Пекин, где состоялась его встреча с Ли Дачжао, в ходе которой они вырабатывали программу действий и тактику борьбы за демократические реформы в китайском обществе. По инициативе и под руководством Ли Дачжао и с одобрения Сунь Ятсена 1 марта 1925 г. была созвана конференция представителей комитетов содействия созыву Национального собрания. На ней были приняты антиимпериалистическая и антимилитаристская резолюции, одобрена программа демократических преобразований страны.

Забастовки на текстильных фабриках Шанхая, Сянган-Гуанчжоуская забастовка, репрессии и расстрелы рабочих в порту Циндао и массовые демонстрации в Шанхае в мае 1925 г. — все эти и другие события стали первыми залпами революции 1925—1927 гг., проходившей под антиимпериалистическими лозунгами национального освобождения и политического объединения страны.

В течение этих двух лет активность и авторитет Ли Дачжао как политического деятеля возрастают, его имя постоянно фигурирует и в числе наиболее радикальных лидеров революционного движения, и в «черных списках» реакции. Его политический вес в гоминьдане был подтвержден на II съезде этой партии в январе 1926 г., на котором он вновь избирается в ЦИК.

Будучи заметной и пользующейся весом фигурой и в КПК и в гоминьдане, Ли Дачжао работает в интересах более тесного взаимодействия и сотрудничества этих партий, вернее, их филиалов в Пекине. Деятельность его значительно осложняется после смерти Сунь Ятсена в марте 1925 г., когда правое крыло гоминьдана в конце года открыто выдвигает требование разрыва единого фронта с КПК. Обостряется и политическая ситуация в Северном Китае. Правительство Дуань Ци-

жуя, обеспокоенное ростом революционного движения, начинает преследования коммунистов. В этом ему помогают правые гоминьдановцы. В ноябре 1925 г. в предместье Пекина, Сишань, они созывают конференцию, на которой выступают с антикоммунистической программой и исключают из гоминьдана Ли Дачжао и Тань Пиншаня.

Однако слово правых элементов не могло, конечно, быть для Ли Дачжао законом. Он продолжает свою деятельность и как член ЦК КПК, и как член ЦИК гоминьдана. После отъезда из Пекина лидеров правого крыла гоминьдана в конце 1925 г. Ли Дачжао и другие коммунисты получают возможность усилить свое влияние на левых гоминьдановцев. Это им удается, когда и консервативно настроенные лидеры левого крыла гоминьдана в спешке покидают Пекин после контрнаступления северной реакции и расстрела массовой антиимпериалистической демонстрации в Пекине 18 марта 1926 г. После этих событий партийная организация гоминьдана в Пекине переходит под контроль коммунистов во главе с Ли Дачжао.

«Его зарыли в шар земной...»

Эта строка из стихотворения советского поэта Сергея Орлова, вынесенная в заголовок данного раздела, могла бы стать эпиграфом не только к заключительному этапу деятельности и обстоятельствам гибели Ли Дачжао, но и ко всей жизни этого незаурядного человека, патриота и публициста.

Весна 1926 г. стала периодом дальнейшего наступления реакции. В то время, когда Ли Дачжао и его единомышленники в КПК усиливают контроль над пекинской организацией гоминьдана, положение обеих партий становится все более тревожным. Само их существование оказывается под вопросом — как следствие военно-политической нестабильности на севере Китая и активизации реакционных сил. В 1925 г. наметившаяся ранее трещина в отношениях между Фэн Юйсяном и Чжан Цзолинем достигает своей кульминации в открытом разрыве между этими военными лидерами. Ли Дачжао же действовал в направлении упрочения связей внутри единого фронта гоминьдана и КПК и расширения сотрудничества этих партий с Национальной арми-

ей Фэн Юйсяна. Эта коалиция была направлена против режима Чжан Цзолиня и его бывшего соперника и теперешнего союзника У Пэйфу. 12 марта 1925 г. части Национальной армии Фэн Юйсяна, блокировавшие порт Тяньцзиня — Дагу, были атакованы силами Чжан Цзолиня при поддержке японских канонерок. Четырьмя днями позже министры иностранных дел Японии и западных держав направили правительству Дуань Цижую в Пекине совместный ультиматум, требуя прекращения блокады в соответствии с пунктами так называемого Боксерского протокола 1901 г. Эти действия вызвали стихийную волну возмущения в Китае. 18 марта Ли Дачжао и некоторые лидеры левого крыла гоминьдана (Сюй Цянь, Гу Мэньюй) организовали массовый митинг студентов и жителей Пекина на центральной площади Тяньаньмэнь и повели демонстрантов к штабквартире Дуань Цижую, требуя решительной ответной реакции на ультиматум. Столичная полиция открыла огонь по демонстрантам, убив и ранив более 200 человек, а сам Ли Дачжао едва не был затоптан бежавшей в панике толпой.

19 марта Дуань Цижуй отдает приказ об аресте Ли Дачжао как организатора демонстрации. Ли Дачжао вынужден уйти в подполье, но, уповая на безопасность, обещанную силами Национальной армии Фэн Юйсяна, остается в окрестностях Пекина. В статьях, публикуемых в местной газете, негласном органе Северного бюро КПК «Политическая жизнь» («Чжэнчжи шэнхо»), он обвиняет Чжан Цзолиня в коллаборационистской политике в отношении Японии, бросает ему в лицо упрек в продаже национальных интересов.

В этот период Ли Дачжао продолжает выполнять функции секретаря Северного бюро КПК и пекинской организации гоминьдана, хотя из-за террора против коммунистов и левых гоминьдановцев он и его единомышленники опираются в своей деятельности почти исключительно на помощь советских представителей. Когда же в конце декабря решительный и убежденный антикоммунист Чжан Цзолинь двинул свои силы на Пекин, Ли Дачжао и другие революционеры вынуждены были искать убежища под крышей советского посольства. Однако Чжан Цзолинь, как выяснилось, не считал это серьезной помехой в своем стремлении расправиться с Ли Дачжао. 6 апреля 1927 г. по приказу Чжан

Цзолиня воинская часть, составленная из муниципальной полиции Пекина и его собственной жандармерии, врывается на территорию советского посольства. Во время налета Ли Дачжао и 19 других революционеров были арестованы.

В тюрьме начинаются многочасовые допросы. Ли Дачжао и другие арестованные держатся мужественно. Ли Дачжао отклоняет план побега из тюрьмы, подготовленный боевым отрядом железнодорожных рабочих. Что заставило его решиться на этот шаг? Зная мужественную и самоотверженную натуру Ли Дачжао, можно предположить, что он вряд ли руководствовался личными интересами; скорее всего он опасался подвергнуть риску оставшихся за стенами тюрьмы товарищей, стремился избежать полного разгрома организации.

Более 300 известных деятелей, близких друзей и единомышленников Ли Дачжао поставили свои подписи под петицией к властям, добываясь его освобождения. С аналогичными требованиями выступили компартии ряда стран. «Правда» в эти дни писала: «Во время второго допроса Ли Тайчао⁴, сохраняя полное спокойствие и достоинство, заявил, что он является приверженцем учения Карла Маркса и примкнул к компартии потому, что придерживался ее принципов и программы».

Но все усилия оказались тщетными. 28 апреля 1927 г.; невзирая на массовые протесты, Ли Дачжао и 19 его товарищей были повешены во дворе пекинской тюрьмы. Ли Дачжао не дрогнул в минуту казни.

Прах Ли Дачжао, хранившийся в течение нескольких лет в буддистском храме в окрестностях Пекина, был погребен с разрешения гоминьдановских властей лишь весной 1933 г. на кладбище Ваньянь в столичном районе на Западных холмах. Во время печально известной «культурной революции» имя его было предано забвению, могила осквернена хунвэйбинами, а родственники (три сына и две дочери) репрессированы. Сегодня, в условиях оздоровления всех сторон жизни китайского общества, имя Ли Дачжао вновь по праву заняло одно из первых мест в пантеоне пионеров китайского революционного движения.

⁴ Такая транскрипция имени Ли Дачжао была дана в статье «Правды».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ли Дачжао остался в памяти китайцев как незаурядная личность, олицетворявшая лучшие духовные традиции своего народа.

Его путь от либерализма и наивного демократизма к марксизму, к революционной борьбе пролегал через груз прошлого, через духовный пресс старокитайских конфуцианских догм и стереотипов, преходящих увлечений модными идейными течениями, ультрареволюционными и квазисоциалистическими концепциями. Тем большее значение имеет итог его жизненного пути и духовной эволюции.

Жизнеописание Ли Дачжао можно завершить его же словами, посвященными российским революционерам, но вполне применимыми к его собственной судьбе: «Кровь героев удобрила почву для расцвета революции. Пусть это будет уроком для всех!»

Сергей Романович БЕЛОУСОВ
СУДЬБА КИТАЙСКОГО МАРКСИСТА
(К 100-летию со дня рождения Ли Дачжао)

Гл. отраслевой редактор *А. Н. Кияхин*
Редактор *А. И. Мащенко*
Мл. редактор *Е. А. Кушнарёва*
Худож. редактор *М. А. Гусева*
Техн. редактор *А. М. Красавина*
Корректор *А. М. Ратина*

Сдано в набор 15 07 88 Подписано к печати 23 11 88 А 14119 Формат бумаги 84×108¹/₂. Бумага тип № 2 Гарнитура литературная Печать высокая. Усл. печ. л. 3,36 Усл. кр.-отт. 3,57 Уч.-изд. л. 3,53 Тираж 10 000 экз. Заказ 1509 Цена 20 коп. Издательство «Знание» 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4 Индекс заказа 880810
Типография Всесоюзного общества «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.